

Алексей ПОЛУБОТА

г. Реутов, Московская область

1

Автобус въезжал в молчаливый пепельно-серый город. Впрочем, после столицы многие города кажутся молчаливыми. Особенно на севере, особенно в час, когда болезненно-бледное мартовское солнце бессильно склоняется к оцепенелой, сдавленной снегами земле.

Вадим не был здесь, в городе детства, больше двух лет. Однако не испытал, да и не надеялся испытать, радостного волнения. Душа его сейчас, словно примороженный весенний сугроб, была затянута омертвелой ледяной коркой. Отдышаться, выспаться, прийти в себя — вот на что надеялся вдавленный в автобусное кресло тоской и жутким похмельем человек.

Вадим вышел посреди большой пустынной площади. На город опускались неуютные морозные сумерки. У залитых ядовито-ярким светом витрин кинотеатра бесцельно мялись крикливо разодетые подростки. «Один, опять один...» — думал он, глядя на бесконечно далёкие ему лица тинейджеров, на торопливо-замкнутые фигурки редких прохожих.

Впрочем, что это он? Зачем гневить Бога! Конечно, не один. В городке каким-то чудом ещё оставалась и ждала его родная душа. К ней-то и стремился он сейчас, как стремится, наверное, экипаж прошитого сквозняками, дожигающего остатки горячего самолёта к затерянному среди огромного тундрового безлюдья огоньку полужаброшенного аэропорта.

Вокруг тротуаров громоздились сугробы на голову выше Вадима. Даже сейчас он невольно отметил эту приметку детства. В Москве порой казалось, что таких сугробов уже не может быть на закрутившейся слишком жёстко и яростно планете.

Вадим шёл насколько мог быстро. Онемелые ноги покалывали проникающие

сквозь обувь морозные иголки. Неудобное, словно разбухшее сердце то замирало, то вдруг начинало судорожно колотиться — сказывались трое суток почти беспробудного пьянства. Хорошо, что идти было недалеко. Хорошо и то, что подарки он додумался купить заранее.

Бабушка... Он снова и снова представлял, как радостно всколыхнётся она, расцелует мягкими уютными губами его заросшее похмельной щетиной лицо. Как засветятся в сплетении морщинок её не утратившие доброжелательной ясности глаза. Да, так уже было не раз... Он приезжал сюда, потерянный, загнанный в угол тоской и неудачами, чтобы хоть на мгновение почувствовать твердь под ногами, отогреться душой.

Домофон... Странно, бабушка не предупреждала, что на дверях их маленького тихого подъезда появился этот бездушный электронный швейцар. Ох уж эти домофоны!..

Вадим набрал две цифры, которые когда-то выводил на почтовых конвертах, посылая поздравительные открытки на Новый год и Восьмое марта. Дверь, электронно пожурчав, отозвалась голосом бабушки, глухим, надсаженным. Стараясь гнать от себя тревожные предчувствия, он поднялся по угрюмо темнеющим ступенькам на третий этаж, к уже приоткрытой в ожидании его двери.

— Приехал, вот и праздник у меня, — от этих тихим голосом сказанных слов что-то сдвинулось — тепло поплыло в его душе.

Бабушка улыбнулась и трижды, как всегда после долгой разлуки, поцеловала его. Родной запах бабушки, смешанный с запахами старых книг и такой же старой добротной мебели, обнял его, закружил. Да, всё было так или почти так, как Вадим и представлял себе, вжимаясь в жёсткое автобусное кресло, вглядываясь с верхней полки в убегающие от поезда тускло-снежные просторы, и ещё раньше, задолго до поездки, когда он вечерами пытался забыться, не слышать изматывающий рокот неужённых столичных шоссе.

Вот только, как показалось ему, слишком уж поспешно отвела бабушка вспыхнувшие радостью глаза; и в торопливых прикосновениях её старческих губ внук уловил какой-то неуютный холодок.

Очень скоро Вадим понял, каких усилий стоила ей радость встречи. Лицо её было серым от ед-

ва скрываемых страданий, бледные губы плотно сжаты. По квартире она передвигалась медленными, неуверенными шагами, то и дело хватаясь за стены. Говорила отрывисто, задыхаясь.

Поначалу он ещё пытался бодриться. Рассказывал, какой он видел сегодня ослепительный оранжевый закат в полнеба на подъезде к городу, как обрадовались ему друзья юности в областном центре, куда он завернул по дороге к ней, какой хороший мёд довелось ему купить для неё на московской ярмарке. Однако, увидев, как бабушка, опёршись на трюмо, сползла на колени и бессильно замерла, осёкся.

«Плохи дела», — отрезая от себя последнюю надежду на уютную, отчаянно необходимую ему передышку рядом с родным человеком, подумал он.

— Ничего, ничего, — увидев его испуг, прерывисто заговорила бабушка, — сейчас уже лучше. Три дня назад батюшку попросила прийти соборовать. Думала — умираю. Сейчас легче... Это весна, весной всегда трудно. Ты покушай с дороги, а я полежу.

Боясь испугать внука, она мигом собралась с силами, поднялась и прошла к разложенному креслу.

Он жевал, не чувствуя вкуса, глотал большими кусками дешёвую, крупно нарезанную колбасу, едва тёплые голыши картошки, какой-то немудрёный салат.

Надо было что-то делать. Ему хотелось немедленно вызвать какого-то всезнающего врача, купить неведомых чудодейственных таблеток, выпив которые, бабушка станет не этим придавившим сломанное кресло, отжившим человеком, а прежней неутомимой хозяйкой своих тесноватых, но уютных владений.

Но что может он, уже не первой молодости, разменявший четвертый десяток внук?..

Да, несмотря на то что он, подыгрывая приятелям, изображал из себя преуспевающего москвича и немало промотал в последние дни, у него ещё оставались кое-какие деньги. Конечно, завтра он накупит каких-нибудь лекарств, и не просто каких-нибудь, а самых дорогих, какие удастся найти в местных аптеках. И чем дороже, тем лучше... Можно ещё попытаться найти хорошего местного врача, заплатить ему, чтобы он на дому осмотрел бабушку. Как это делается,

Вадим не знал, но попытается, обязательно попытается... Ну а дальше-то что?! Как ему быть, если врач скажет, что бабушке необходимо действительно серьёзное лечение? Класть её в больницу? Вадим, хоть и нечасто бывал в последние годы в провинции, имел представление, что такое современные больницы в маленьких российских городках. Без денег и помощи родных там не то что не вылечишься — растеряешь остатки здоровья. А ведь ему, Вадиму, надо было уезжать через три дня. Иначе можно потерять работу, а с ней и возможность хоть как-то помогать бабушке. Нет, оставлять здесь родного человека на растерзание раздражённым, затюканным бедностью медсёстрам нельзя.

Везти её с собой в платную московскую клинику?.. Вадима пугала эта мысль. Он не очень-то верил, что у него хватит денег на то, чтобы оплачивать несколько месяцев лечение по стольким ценам. В любом случае, придётся отказывать себе во многом. Готов ли он к этому? А главное, как ни пытался, он не мог себе представить бабушку среди самодовольной стерильной белизны частной клиники, выслушивающей рекомендации холёных, респектабельных докторов. Эта с натяжкой нарисованная его воображением картина тут же рассыпалась. Она явно была не из их с бабушкой жизни.

— Ложись, отдохни, я на диване тебе постелила, — бабушка, прерывисто дыша, стояла в проёме кухонной двери.

Пока он размышлял, доедая приготовленный ею ужин, она продолжала заботиться о нём! Вадим до темноты в глазах надавил кулаком на боковину кухонного стола.

«Ничего, выплусь, хоть немного отдышусь и завтра по-настоящему начну заботиться о ней», — успокаивал он себя, укладываясь спать.

2

Ноги упирались в старый расшатанный подлокотник, прямо под сердце давила какая-то выпирающая из-под истёртой обшивки пружина. Трудно было узнать в деревянной развалине, на которой ворочался он сейчас, большой и уютный диван, так мягко обнимавший Вадима по утрам в детстве, когда из кухни

уже доносилось весёлое шкворчание сковородки и поскрипывание паркета под неутомимыми ногами бабушки.

Несмотря на дикую усталость, уснуть он не мог. То и дело его прошибал холодный пот, бил озноб. Язык сухой наждачкой царапал нёбо. А самое главное — ему было страшно. Смерть, он чувствовал это, была рядом, выжидала. Она оценивающе смотрела из тёмных силуэтов родной ему с детства, а сейчас враждебной и чужой мебели, из сгустившейся в углах тьмы и даже из оклада большой тёмной иконы на стене. И он, распластанный на диване, обессиленный похмелем, ничего не мог противопоставить ей.

3

Ночью ей стало хуже. Надсаженное сердце судорожно толкалось в груди, и от каждого удара, словно круги на воде, расходилась боль. Перед глазами, сливаясь в адскую круговороть, замелькали хлопья чёрного метельного заряда. Совсем как тогда, в самом начале нынешней весны. Она возвращалась в тот день с вечерней службы.

Церковь находилась на самой окраине города, а вернее даже в пригородном посёлке, в двух с половиной километрах от её дома. Раньше, когда была помоложе, Серафима Никитична проделывала этот путь даже с удовольствием минут за сорок-пятьдесят. Убеждала знакомых прихожанок ходить с ней, дышать свежим воздухом, вместо того чтобы толкаться в тесном «льготном» автобусе. Потом ходить стало тяжелее, и она уже не отказывалась, когда батюшка или кто-то ещё из церковных людей предлагал подвезти на машине. Однако в тот вечер не сложилось: подбросить до города никто не предложил, а напрашиваться она не умела.

Ещё во время почти двухчасовой службы она почувствовала себя плохо. Закружилась голова, золотистыми разводами поплыли перед глазами сияющие подсвечники и оклады икон. И всё-таки ни разу она не позволила себе присесть.

«Ничего, дойду. Бывало и похуже», — подумала она, последний раз крестясь на приземистую, переделанную из заброшенного дощатого барака церковь.

Боясь поскользнуться на обледенелой обочине оживлённого шоссе, Серафима Никитична свернула на грунтовую дорогу, которая сейчас превратилась в сдавленную огромными смёрзшимися комями снега тропинку. Вокруг тоще чернел пригородный лесок. Есть что-то невыразимо тоскливое в таких вот вечерних местах, где тлеет жизнь полупридушенной человеком природы. Закрученные ветрами, отравленные машинными выхлопами деревья безрадостно дожидались близкой ночи. Безмолвные сугробы в чёрных подтёках напоминали заброшенные могильные холмики. Впрочем, она почти не смотрела по сторонам. Все её мысли и силы сосредоточились вокруг одного стремления: идти! Она, насколько позволяло севшее зрение, намечала себе посильный рубеж, какое-нибудь деревце или снежный ком, и осторожно, почти на ощупь шла к нему. Дойдя, останавливалась, чтобы отдышаться, утишить головокружение. Сесть на снег она боялась. «Сяду, так и просижу до утра, пока не найдут дурочку околёвшую», — ругала себя Серафима Никитична. Она уже раскаивалась, что не стала дожидаться с другими прихожанами автобуса. Пришлось бы ждать чуть не полчаса на разбитой, открытой всем ветрам остановке, просить кого-нибудь, чтобы помогли одолеть крутые автобусные ступеньки. Да и пятнадцать рублей за проезд — это ведь считай батон хлеба. Тоже надо учитывать.

А всё же с людьми спокойней. Слишком уж привыкла она за долгие безмужние годы рассчитывать на свои силы. А теперь вот и сил почти не осталось.

За этими мыслями она не заметила, как началась метель. Подул резкий ветер, сыпанул в лицо снежными иглами. Она зажмурилась, постояла минуту, вглядываясь в себя. В темноте, перед внутренним её взором, плавали оранжевые разводы. Вдруг из них стали складываться знакомые черты лица. Антонина Фёдоровна... Усопшая. С полгода назад проводили. Боже мой, почему же так печально, укоряюще даже смотрит она на меня?.. Ведь помогала ей как могла, когда занедужила она. Супы варила, стирала. Правда, вот заставляла «Отче наш» учить и «Богородице, дево, радуйся». Помню, так и сказала: «Вам столько лет уже, а молитв самых главных не знаете, в аду гореть будете!»

И пригрозила: «Не выучите — перестану к вам ходить, пусть соцработники ходят!»

«Ну что, Фёдоровна, помогли тебе молитвы, на небе-то засчитали их? — хотела спросить она у бывшей соседки, но вдруг испугалась. — Что же это я с покойниками разговаривать собираюсь?! А может, и я уже...»

Она поскорей открыла глаза и долго не могла понять, где стоит. Вокруг вздымалась, клубилась колючая снежная пыль. Тонкие деревья испуганно вздрагивали, клонились к земле, словно умоляли какую-то неистовую злую силу пощадить их.

«Господи! — Серафима Никитична провела языком по неуютно-голому, осклизлому нёбу. — Вставную челюсть, за которую полпенсии плачено, потеряла!»

Она беспомощно потыкала палкой вокруг себя. Куда там! Возле её ног намело уже по щиколотку снега — где тут найдёшь...

Куда же идти-то, Господи?.. И смерти вроде давно ждала, но не так же, посреди дороги, как бомжихе какой, помирать!

Как и всегда в отчаянную минуту, она принялась молиться Богородице.

«...Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятилище странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых Покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози мне яко немощну, окорми мя яко странна. Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши...» — сокрушённые эти слова врачующим бальзамом ложились на сердце.

Медленно, мучительно медленно тьма и пронизывающий холод начали отступать. Она почувствовала, что лежит на своём старом, поломанном кресле, а напротив, на разложенном диване, темнеют очертания укрывающего кого-то одеяла. Не сразу она вспомнила, что лежит под ним её родной, единственный внук. Ну, слава Богу, отвела Богородица от Вадика тяжкое испытание!

Хоть и мечтала Серафима Никитична, давно и затаённо, умереть в своём доме, рядом с нечужим человеком, а всё же рада, что не обременила внука. Тяжело бы ему пришлось. Впечатлительный слишком.

Вадим слышал, как измученным, хриплым голосом шептала она молитвы. Тяжело вздымалась её рука для крестных знамений. Было уже больше двух часов ночи, а он всё никак не мог заснуть. Мучительными обрывками всплывали в нём недавние воспоминания.

Вот идёт он по главному проспекту Романовска, где прошла его юность, с каким-то тоскливым чувством заглядывает в лица встречаемых девушек. Заходит в кафе, смотрит, как за соседними столиками люди спокойно и улыбочиво общаются, неторопливо выпивают, ужинают. Да, хоть и трудно признаться в этом, он завидует им. Им, самым обычным, которым собирался что-то доказать, когда восемь лет назад уезжал отсюда. Завидует тому, что есть у них город, который без всяких оговорок они могут назвать своим; друзья и подруги, лица которых незаметно для них изменяются с годами, мужья и жёны, без которых, наверно, через неделю они начинают скучать. Да, сейчас эти обычные жители областного города кажутся ему небожителями.

«Останься я здесь и, может, так же сидел бы за столиком рядом вот с той симпатичной крашеной блондинкой, что-то оживлённо рассказывающей двум парням с простыми открытыми лицами. И чувствовал бы себя своим среди своих. Так же, как они, был бы уверен, что живу единственно возможной для себя жизнью», — думает Вадим.

Впрочем, он тут же отталкивает от себя эти мысли, как, наверно, тонущий в море бесполезную, не способную удержать на плаву тяжесть тела, доску. Ведь сам же, сам бежал он отсюда, как из мертвящего тупика! И что, разве так уж сильно изменился он за прошедшие годы?

Так чего же бесцельно бродит он по промёрзшим улицам и проспектам, вслушиваясь в задумчиво наплывающий рокот вечерних троллейбусов? Зачем вглядывается в лица девушек, втайне от самого себя надеясь различить дорогие черты?..

А вот видит он себя возле стен областного института. На солнечном, обледенелом крыльце толпятся студенты. Курят, смеются. Его, ко-

нечно, никто не замечает. Да и какое им может быть дело до хмурого, незнакомого человека, мнущегося возле жидкого рябинника?! И что им с того, что тринадцать лет назад вот так же стоял он на этом крыльце, переполненный молодостью и ожиданием огромного чуда, которое обязательно случится в его жизни. Ещё бы, ведь он сумел сделать первый в своей жизни взрослый шаг — из своего маленького городка поступил в престижный, как казалось ему, областной вуз. А значит, судьба даёт ему зелёный свет. И только подумать, сколько ещё счастья ждёт его впереди!..

«Зайти или не зайти?» — спрашивает он себя, впрочем, заранее зная ответ. Ещё пару лет назад, когда карьера его, как казалось не только ему, шла в гору, когда он был уверен, что ещё чуть-чуть, и птица большой удачи забьётся в его руках, Вадим, может быть, и залетел бы сюда на несколько минут. Пряча за напускной бодростью и слегка снисходительными улыбочками охватившие его чувства, он намекнул бы кому-нибудь из знакомых преподавателей на свои столичные успехи. Вскользь упомянул бы, с какими важными и известными людьми запросто общается он, вечный аутсайдер их курса, тащивший «хвосты» от одной сессии к другой.

Но весь этот спектакль он бы разыграл, конечно, только из тайного желания хотя бы мельком увидеть её, девушку, из-за которой он, до конца не признаваясь себе в этом, и приехал сюда, в Романовск, где у него в общем-то не осталось близких людей.

Да, с ней, с Женей, когда-то впервые спустились они вот с этого самого обледенелого сейчас крыльца. Только тогда оно было мокрым от промелькнувшего во время последней лекции дождя. На бордовых свежеекрашенных перилах весёлой ртутью дрожали капли. Они шли, взявшись за руки, и прямо под её ногами вспыхивали золотые солнечные искры. Улыбчивые рябины тянули к их лицам налитые молодой силой тугие гроздья. Прозрачные лужи сверкали непорочной синевой. А в воздухе и на влажном морщинистом асфальте светилось множество бледно-золотых берёзовых листьев. Сердечек, как она их называла. Они придумали тогда забаву — идти так, что-

бы, не отпуская рук, не наступить ни на одно «сердечко». И, кажется, им это удалось. Где они сейчас, те вчерашние школьники, вдруг поверившие, что жизнь впереди будет похожа на эту сияющую солнцем дорогу от института к автобусной остановке?..

Впрочем, почему он решил, что поверили они вместе? В отличие от него, Евгения всегда была на хорошем счету у преподавателей. Она неплохо умела справляться со своими эмоциями и, как ему теперь кажется, вполне разделяла убеждение своей мамы, что любовь в студенческие годы — это лишь приятное приложение к учебному процессу. Он знал, что Женя, Евгения Александровна, теперь сама читает лекции в бывшей их альма-матер. И вот в тайной надежде на встречу пришёл сюда. Зачем? Ведь и два, и три года назад, окрылённый неожиданно свалившимися на него успехами, излучающий уверенность в своих силах, он не ехал в этот город, не искал встречи с ней. Потому что знал: не найти ему нужных, сильных слов, чтобы оправдать разделившие их жизни года.

А сейчас? Что он, уставший, растерявшийся человек, скажет ей сейчас?! Да и захочет ли она его слушать? Друзья говорили, что, кажется, она ещё не замужем или уже разведена. Но разве это что-то меняет? Ведь убегая из этого города восемь лет назад, не только от себя, от своих неудач и сомнений убегал он, но и от неё, памяти о ней тоже. Не случайно за все это время он только раз набрал её домашний номер, но уже на третьем гудке, не дождавшись ответа, положил трубку.

И всё же Вадим стоит у крыльца, бессмысленно мнёт ботинками упавшую с крыши ледышку и, уже не надеясь на чудо, чего-то ждёт.

Наконец он медленно поворачивается и, угрюмо сгорбившись, идёт по тому самому пути, каким много раз ходил с ней к остановке. И вдруг на углу главного институтского здания нос к носу сталкивается с Карениной. Так называли на их курсе молодую преподавательницу с горделивой осанкой и вызывающе длинной чёрной косой. Была она, как видно, неуверенной в себе и потому болезненно придирчивой к студентам дамой. Вадима не любила больше других. Наверно, за слишком неза-

висимый и самоуверенный вид. Заваливала на экзаменах даже по тем билетам, которые он неплохо знал.

Вряд ли она вспомнила его. Хотя что-то такое испуганной тенью мелькнуло в её утратившем молодой острый блеск взгляде. А он... неприязненно впившись глазами в её постаревшее лицо, он вдруг ощутил себя ранимым, тоскливомятущимся двадцатилетним человеком. И что стоил весь его столичный, давшийся такой ценой опыт самообладания в эту минуту?

Долго ещё блуждал Вадим по стылому, вечернему городу, пытаясь унять в себе растревоженное прошлое, ругая себя за то, что вообще придумал эту поездку в город юности, оторвав от драгоценного отпуска несколько дней, которые мог бы провести с бабушкой.

А вот сидит он на чьей-то прокуренной, грязной кухне. Это уже на второй или третий день запоя, в который неожиданно скатились они с бывшими однокурсниками после того, как «хорошо» отметили встречу. Он вглядывается в их заматеревшие, потрёпанные временем лица. И кажется ему, что в их взглядах уже угадывается стекленеющая усталость от жизни. Ближе всего к нему сидит бледный от выпитой водки Серж. Бессмысленно мнёт большим пальцем хлебные крошки на столе, никого не слушая, что-то тонко напевает, завираясь на высоких нотах. В институте Вадим написал несколько текстов для песен, которые потом исполняла их студенческая рок-группа «Напалм», собранная Сержем. Тому казалось, что его музыкальные потуги делают его творческим человеком и дают право вести чуть ли не богемный образ жизни. Да ведь и кому не покажется в девятнадцать лет: если ты популярная личность на курсе, малознакомые девочки многообещающе улыбаются, глядя на тебя, и даже иные преподаватели делают скидки на твою «творческую натуру» во время экзаменов!.. Серж, как и тысячи его сверстников, был уверен, что его ждёт звёздная карьера рок-музыканта, что он разбудит, «взорвёт серую тишину этого сонного города», да и всего мира.

Вместо этого он вот уже восемь лет зарабатывает тем, что держит точку по продаже музыкальных дисков на пригородном рынке. Серж пытается продолжать играть, но ему не

везёт. Собранные им группы разваливаются, не успев толком собраться. И пока высшей музыкальной наградой главного рок-бунтаря их курса стал диплом какого-то областного фестиваля.

Серж уже рассказал Вадиму о своей жизни то, что посчитал нужным, и теперь, равнодушный ко всему, кроме водки, наливает очередную рюмку. Глупо и как-то ожесточённо улыбаясь, он произносит: «Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть», — и опрокидывает жгучую жидкость в себя.

Когда-то они весело пели эти страшные слова из популярной рок-песенки, особо не вдумываясь в их смысл. «А теперь... Неужели к этому и придёт всё в конце концов?!» — про себя содрогается Вадим.

На другом конце колченогого стола, затягиваясь дорогой сигаретой, развалился на кресле с изодранными подлокотниками Валерка. Он заглянул к ним «на полчаса», усиленно изображая успешного занятого человека, генерального директора риелторской конторы.

Чуть ли не с порога он попытался оглушить Вадима, сообщив ему размеры своих ежемесячных доходов: «Бывает, что и до ста штук в месяц заколачиваю». Неприязненно поглядывая на Сержа и Толика, он отвёл в сторону Вадима и предложил ему побыстрее «завязать здесь, в этой халупе» и пойти вдвоём в ресторан, «нормально» посидеть. Ещё в институте он начал понемногу отделять себя от бесшабашных, безалаберных товарищей.

«Давай-ка посидим все вместе, — в ответ тактично хлопнул его по плечу порядочно захмелевший, но ещё что-то соображавший Вадим. — Когда ещё так придётся! Смотри, всё есть на столе, что надо для пьяного счастья. Зачем куда-то ходить?»

Валерка, ещё минуту помявшись, подошёл к столу. Однако водку пить отказался, сославшись на важную встречу вечером. Впрочем, то ли от вида оживлённых, пьяно балагуриющих бывших сокурсников, то ли от сигарет, которые он курил одну за другой, «генеральный директор» быстро размяк, словно дорогой пиджак, «снял» с себя деловитость...

— Давно уже ни с кем по душам говорить не приходилось, — задумчиво цедит он, протяги-

вая к лицу Вадима экран мобильного с фотографией большеглазого ребёнка. — Моя дочка, красавица, главная радость в жизни. Если бы не она, не знаю, зачем мне всё это...

Впрочем, Валерка, Валерий Николаевич, кажется, и впрямь «занятой чел», как он сам называл себя. Поддавшись на позывные своего мобильного, он страшивает с себя лирическое настроение и наскоро прощается с бывшими друзьями, никому, кроме Вадима, не взглянув в глаза.

— Скурвился Валерка... — ворчит ему вслед Серж. — В займы денег не допросишься, в гости не зовёт. Жена его бывшая жаловалась, что алименты копейечные платит. При его-то доходах...

Самый оживлённый среди них Антон. Он то и дело ковыряется вилкой в шпротах, активно таскает со стола хлеб и колбасу, вспоминает забавные истории из прошлого, вроде той, когда Серж пьяным заснул в снегу и кричал, чтобы закрыли форточку. Антона за низкую практическую ценность и нежелание вставлять передний зуб недавно бросила очередная подруга жизни. И он рад возможности отвлечься от не самых приятных мыслей, да ещё и напиться на халяву.

Как дорожил Вадим их студенческим братством! Как благодарен был судьбе, что в отчаянную весну разрыва с Женей они без лишних сосюканий поддерживали его, были рядом!

Тот же Антон укрывал его в своей комнате от разгневанного коменданта общежития, когда он в пьяном угаре разбил вдребезги зеркало в женском туалете. А Серж с Валеркой бегали по магазинам, пытаясь найти дешёвую замену разбитому, столь ценному для женской половины человечества предмету.

И вот теперь, сквозь пьяный туман вглядываясь в повзрослевших друзей юности, он пытался разглядеть тот свет бережного участия друг к другу, который прежде, как ни скрывали они его за грубовато-добродушным юмором, подсвечивал их дружбу. Нет, сейчас он не видел ничего, что связывало бы их, кроме временного оживления, вызванного его неожиданным приездом.

Для них он всё-таки был единственным из всей компании, кому удалось зацепиться и ху-

до-бедно проявить себя в Москве, в каком-то ином, малознакомом им мире. Благодаря всепроникающему Интернету они кое-что узнали о его прежних успехах. Несколько раз его физиономия мелькнула в вечерних новостях на главных телеканалах страны рядом с известным политиком, в пресс-службе которого он тогда работал. И потому бывшие друзья воспринимали как должное, что пьянка шла в основном за счёт столичной «звезды» — так в полусутку стали они называть Вадима.

Впрочем, Вадим не возражал. Где-то в глубине души ему даже нравилось играть спектакль, в котором ему отводилась роль преуспевающего москвича, разбрасывающегося деньгами. И зачем было объяснять этим ребятам, что совсем недавно ему пришлось уйти из газеты первого ряда в издание с весьма сомнительными перспективами, где его к тому же «запрягали» по полной программе за не столь уж большие деньги.

В конце концов, это были последние не чужие ему люди в этом городе, и с ними было легче, чем наедине со своими воспоминаниями. Вадим долго собирался духом, чтобы прекратить затянувшийся загул. Оправдывал себя тем, что давно уже, очень давно не позволял он себе вот так бездумно тратить и время, и деньги. А ещё он почему-то был уверен, что вместе они собираются в последний раз, и поэтому невольно оттягивал время прощания.

«Ничего. Отлежусь у бабушки, отдохну», — думал он, опрокидывая в себя очередную рюмку опротивевшей водки.

Как жалел Вадим сейчас об этих вычеркнутых из жизни днях пьянства, как клял себя за растраченные впустую силы! Бабушку, её дом он привык воспринимать как незыблемый остров тепла и уюта. До сих пор он никогда не думал, что этот, может быть, единственный во вселенной уголок, где он ещё чувствовал твердь под ногами, может вдруг исчезнуть, раствориться в ледяных водах небытия. И вот оказалось, что пройден какой-то невидимый рубеж и теперь уже от него, Вадима, во многом зависит, сколько ещё продержится во времени и пространстве бабушкин остров.

А он... Он ворочается на старом диване, вы-

тирая пододеяльником похмельную испарину, и боится наступления завтрашнего дня...

Бабушка медленно, тяжело поднялась с постели, пошатываясь, сделала несколько шагов. Что-то пугающее было в её чёрном силуэте на фоне подсвеченных уличным фонарём занавесок.

— Ты куда, бабушка, в туалет? — всполошился он, вскакивая на ноги, словно кто-то отпустил в нём долго сдерживаемую пружину. — Подожди, я помогу дойти.

Вадим протянул руку и вдруг словно в жутком сне ощутил, как ускользает от него, проваливается куда-то бабушка. Костяной грохот упавшего тела изнутри сотряс его душу.

5

Наутро Вадим, хотя и почти не спал, чувствовал в себе какую-то лихорадочную бодрость. Он глотал обжигающий кофе без сахара и, поглядывая из кухни на лежащую бабушку, обдумывал, как ему начать действовать.

— Мне уже лучше, Вадик, — подзавав к себе, проговорила бабушка, словно угадала его мысли, — не вызывай врача, иначе мне стыдно станет. У врачей сейчас много работы, незачем отвлекать их по пустякам.

Вот так она всегда: стеснялась обременять собой других, считала, что всегда есть кто-то, кому гораздо труднее, чем ей.

Бабушка не знала (или не хотела говорить) телефонный номер регистратуры ближайшей поликлиники. И даже рассердилась на него, когда он попытался узнать у неё телефон кого-нибудь из её знакомых.

— Эх, Интернет бы мне сейчас! — думал Вадим, который последние годы привык нужную информацию добывать в основном из Всемирной паутины.

Но какой мог быть Интернет в доме, где пылился на шкафу старый бобинный магнитофон, где сломанный громоздкий телевизор уже давно служит разве что подставкой для вазы, в которой вечно цветут искусственные бумажные цветы...

К тому же он как назло взял с собой в поезд-

ку совсем старенький мобильник, из-за того, что новый, позволяющий выходить в Сеть, всё чаще глючило.

Вадим на домашнем бабушкином телефоне набрал номер городской справочной, который помнил с детства.

— Добрый день. Городская справочная служба. Виолетта, — льдисто-приветливым голоском отозвалась трубка.

Вадим удивился: на секунду ему показалось, что он звонит в какой-то московский офис. Не думал он, что такая бесчеловечная вежливость сможет прижиться в их городке. Совладав с собой, Вадим как можно доброжелательней спросил нужный ему телефон.

— Адрес поликлиники скажите, — какая-то тончайшая коварная иголочка мелькнула в интонации девицы.

— Я же назвал вам её номер. У нас в городе их всего-то две, — растерялся Вадим.

— Справочная городская служба бесплатно предоставляет номера телефонов только при условии, что вы называете адрес организации, — ощерился ядовитыми шипами голос безвестной Виолетты. Вадиму даже послышалось в нём искусно скрываемое злорадство.

Вот тебе и простодушная провинция! Вряд ли можно было достучаться до этой зомбированной психологическими «тренингами» телефонистки. Таких жалостью не пробьёшь. Однако можно было спросить номер платной справки. Но Вадим лишь потерянно молчал в трубку.

— Будете говорить адрес? Начиная со второй минуты, разговор с оператором платный, — с ядовитым пренебрежением запустила шипы в его душу девица.

— Знаете что! — с какой-то по-детски беспомощной обидой почти крикнул он и, не высказав «что», швырнул трубку.

На несколько минут первая неудача обезволила его. Кто знает, какие ещё капканы, составленные человеческой чёрствостью и равнодушием, ждут его здесь. А вдруг его родной, знакомый чуть не до последней скамейки город решил сейчас расквитаться с ним за ту давнюю измену?.. Вадим мотнул головой, отгоняя глупую мысль.

Что же делать? Ехать в поликлинику самому? Но это на другом конце разбросанного по

сопкам города. И что ещё там скажут ему в регистратуре... Скорей всего, понадобится медицинский полис бабушки, а она его, конечно, не даст.

Нет, надо всё-таки ещё раз попытаться узнать телефонный номер регистратуры. Мрачная решимость толкнула его к входной двери.

— Я скоро! — бросил он в сторону бабушки.

Вадим ткнулся в несколько соседских дверей. Однако везде ответом на его настойчивые звонки была тишина. Лишь за одной дверью зашлась визгливым лаем собака.

Вадим постоял ещё несколько минут на лестничной клетке, напряжённо вслушиваясь, не раздадутся ли чьи-нибудь шаги, и вернулся в квартиру. И вот что странно: бабушка, как ему показалось, следила за его метаниями с какой-то затаённой надеждой. Она в эту минуту подслеповато склонилась над кухонным столом, то и дело хватаясь за его край, и, сдержанно охая, что-то резала к завтраку.

Да, упрямство — черта, которая, пожалуй, только усилилась в ней с возрастом. Сколько ни уговаривал её Вадим полежать, не нагружать себя домашними делами, она твёрдо была убеждена, что и сейчас, когда, может быть, решался вопрос её жизни и смерти, она должна, как хозяйка дома, заботиться о внуке.

Вадим лихорадочно соображал, куда бы ещё позвонить. Снова обратиться в справочную, чтобы за деньги узнать этот чёртов номер?.. Переступить через себя он не мог — слишком саднили ещё в его душе ледяные уколы телефонной девицы. А вдруг он снова попадёт на ту же Виолетту?

Знакомых у Вадима здесь почти не осталось. Единственный друг детства давно живёт в Питере. Вот разве что Надя Першина. Однокурсница. Во время учёбы они с ней вместе иногда мотались из областного центра домой на праздники и каникулы.

Да, Надья могла бы помочь. Но где же её найти сейчас?.. Телефон её он, конечно, не помнит, а старая записная книжка пылится в Москве.

Оставалось последнее средство. Вадим посмотрел на бабушку. Она снова лежала на сломанной тахте, обессиленно вытянув руки вдоль туловища. Только молитвенное шевеление си-

неватых губ на землисто-бледном лице выдавало присутствие жизни в её неподвижном теле.

Похоже, она всерьёз решила положиться на волю Божью и ничего не предпринимать для своего спасения.

Вадим оторвал трубку от гнезда аппарата и дважды крутанул телефонный диск. Этот двузначный номер ему приходилось набирать впервые.

— Скорая помощь. Слушаю.

В недовольно дребезжащем голосе Вадиму послышался отголосок тех времён, когда ему ребёнком приходилось часами простаивать в очередях за колбасой, выслушивая перебранки продавцов с покупателями.

И всё же насколько человечнее был грубоватый, словно губка вобравший в себя усталость и раздражение от жизни, голос этой немолодой, видимо, женщины, по сравнению с иезуитскими интонациями вышколенной телефонистки.

Вадим как можно более кратко и доходчиво объяснил, почему звонит.

— Фамилия, имя, отчество больной, социальное положение, точный адрес...

«Пока вы расспрашиваете да записываете, человек пять раз умрёт!» — чуть было не выпалил Вадим после очередного нелепого вопроса. Как будто была какая-то разница: пенсионеру плохо или безработному.

Однако он на этот раз сдержался и спокойно продолжал отвечать человеку, от которого сейчас зависело, придёт в их дом помощь или нет.

— Ждите, врачи подъедут, как только освободятся, — сказала дежурная и положила трубку.

— Ну что, приедут? — сипло спросила бабушка, видимо, пугаясь напряжённо повисшей в квартире тишины.

— Должны, — ответил Вадим и быстро отвёл глаза в сторону.

Он старался сохранять спокойствие, однако давалось ему это нелегко.

Легко сказать — ждите! Неужели неясно, что для таких случаев, когда людям плохо, как плохо сейчас его дорогой, единственной на свете бабушке, они должны быть свободны всегда! И кто вообще знает, как они там работают?! Может быть, дежурная, вместо того чтобы передать его заявку куда следует, задумалась о своём олухе-сыне, который взял да и

бросил институт, наплевав на все потраченные родителями силы и деньги?

А если заявка и попала к врачам, не забьют ли они на рядовой для них вызов? Вечно, мол, морока с этим старьём. Кто их, к чёрту, врачей контролирует?! Даже в районной поликлинике иной заурядный терапевт ведёт себя как пуп земли. Этого даже Вадим, который не любит ходить по врачам, насмотрелся. Или машина у них сломается на морозе. Тысячи причин, почему они могут не приехать... Опять же надо бы что-нибудь сунуть им, чтобы получше посмотрели бабушку. А у него, как назло, только одна сторублёвка. Остальное — тысячные купюры.

Сотню давать вроде как стыдно, а тысячерублёвку — жалко. Если бы быть уверенным, что она поможет — другое дело. Сбегать в магазин разменять?... А вдруг без него приедут? Пока бабушка доберётся до двери, они благополучно смотаются.

Вадим уже треть часа смотрел, как за окном на фоне ослепительно снежных гор ползут в небо ватные дымки двух заводских труб.

«Ещё пять минут — и буду снова звонить в скорую», — решил он. Однако прошло и пять, и семь минут, а он всё откладывал звонок. Наконец, когда он уже готов был проклясть разгильдяйство врачей и свою нерешительность, холодно зажурчал домофон.

Высокий мужчина с массивным щетинистым лицом, едва поздоровавшись, прошёл в комнату. За ним вошли двое совсем молодых людей, наверно, не старше двадцати лет.

«И вот от таких приходится зависеть», — подумал Вадим, с какой-то не то завистью, не то горечью глядя на спокойно-уверенные жесты и движения ребят. Он вдруг вспомнил себя в этом возрасте; свою неприкаянность, страх перед огромным враждебным миром.

— Я слушаю. Что болит у вас? — врач присел возле бабушки на поспешно подставленную Вадимом табуретку.

Бабушка, смущённо улыбаясь, попыталась приподняться с тахты.

— Сердце у неё болит. Еле ходит она, — начал было Вадим, испугавшийся, что бабушка сейчас ничего толком не скажет и врачи быстро уйдут.

— Я не вас спрашиваю, молодой человек, — резко, почти грубо оборвал его врач.

— Шатает меня, — медленно, с одышкой начала Серафима Никитична, — рука вот немеет, пошевелить не могу, упала ночью.

— Как упали? Каким местом ударились? — быстро спрашивал врач.

— Ты про то, что задыхаешься, скажи, — с отчаянием в голосе подсказал Вадим.

Ему всё казалось, что врач не понимает серьёзности того, что происходит с бабушкой.

— Я, кажется, просил. Без вашей помощи разберёмся, — щетинистый не склонен был проникаться сочувствием.

Он снова принялся что-то спрашивать у бабушки.

— Что она, только вчера задыхаться начала?! — обратился к Вадиму круглолицый парень.

Конечно, Вадим понял, что стояло за этим вопросом. Мол, если бы сильно хотели, лечили бы раньше, а так чего уж трагедию устраивать. Он смолчал в ответ. Не рассказывать же этому фельдшеру подноготную своей жизни.

Но главное, Вадим понял: ему не разжалобить, не приструнить, не умаслить взяткой этих ко многому привыкших, от многого уставших людей. После второго окрика врача он молча стоял у дверного косяка, лишь изредка глубоко вдыхая, словно ему не хватало воздуха. Руки его то безвольно повисали вдоль туловища, то переплетались тугим жгутом на груди.

— Раздевайтесь, сделаем кардиограмму, — щетинистый наклонился над своим железным чемоданчиком.

— Кого вы стесняетесь? — слегка смягчившимся голосом спросил он, увидев, как больная на секунду замешкалась.

— Никого не стесняюсь, — вдруг окрепшим, полным достоинства голосом ответила Серафима Никитична.

— Вот и хорошо.

Вадим отвернулся к окну, за которым всё так же тянулись к бледно-голубому небу ватные дымки заводских труб.

Дважды он украдкой смотрел на беззащитно белеющее тело бабушки, к которому тянулись холодными щупальцами разноцветные проводки. На маленьком сером экране мелко вздраги-

вала, делая порой почти вертикальные подскоки, ниточка бабушкиной жизни.

Затрещал аппарат, распечатавший кардиограмму. Щетинистый несколько секунд напряжённо всматривался в неё; потом, словно уступая глубоко запрятанному в нём чувству, дёрнул небритой щекой и бросил своим помощникам: «Давайте сделаем!»

Ребята зашевелились, копаясь в медикаментах. Тускло блеснул шприц, зазвучали незнакомые названия лекарств, от которых веяло потемневшей от впитанной боли белизной больничных палат.

Вадиму на миг показалось, что это в его душу впрыскивает шприц, впившийся в тело бабушки, целительную, дарующую жизнь жидкость. Он испытывал сейчас почти родственное чувство к этим случайным, грубоватым людям, которым наверняка было строго наказано экономить лекарства и которые без всяких намёков на мзду просто и спокойно делали своё дело.

— Так что же делать? — спрашивал он минуту спустя.

— Ничего уже не сделаешь — это возраст, — привычно ответил круглолицый парень. Наверное, он по нескольку раз за дежурство произносил эту фразу.

— Может, операция какая нужна? — Вадим никак не мог смириться с мыслью, что вот сейчас врачи уйдут, не сказав какого-то важного рецепта от смерти.

Он готов уже был вручить им тысячерублёвку, но чувство благодарности к этим людям помешало ему. К тому же щетинистый так быстро направился к двери, что уловить момент, чтобы «дать на лапу», было невозможно.

— Про операцию — это не к нам вопрос, молодой человек, не к нам, — не оборачиваясь, сказал он уже на ступеньках лестничного пролёта.

Вадим снова стоял у окна. Казалось, что ватные, равнодушные к их беде дымки за окнами никогда не перестанут ползти в небо.

Минутная радость погасла в душе Вадима. Теперь он даже удивлялся, почему так уверовал в целительность той ампулы, содержимое которой перетекло в кровь бабушки. И это он-то, с детства с недоверием относившийся к лекарствам!

А может, прав был круглолицый, нет смысла бороться со старостью? Вот и бабушка последние годы всегда говорила, что незачем по врачам ходить, больше, чем Бог даст, не проживёшь.

И всё же мириться с тишиной, снова заполнившей их дом после ухода врачей, он не мог. К тому же ему почему-то неловко было глядеть в глаза бабушки, покорно и обессиленно лежавшей на тахте.

Вадим наскоро затёр пол, проглотил обжигающего чаю и стал одеваться.

— Не волнуйся, я скоро, прогуляюсь немного. Может, купить чего? — ожидаемо получив отрицательный ответ, он повернул рычажок дверного замка.

6

Вадим ходил по городу, почти не замечая тех улочек и домов, которые порой снились ему в Москве. Сейчас все его мысли занимал вопрос: что целительное можно купить бабушке. Он обошёл с десяток магазинов и аптек. Выбирал какие-то лекарства в броских и невзрачных упаковках, слушал советы фармацевтов, ловил в себе смутные обрывки воспоминаний о том, что нужно сердечникам. Он не очень-то верил, что всё это поможет бабушке, но когда он выкладывал очередную купюру, на душе у него становилось немного легче: «Может, хоть эти деньги пойдут впровод, зачтутся где-то там».

Во время своих лихорадочных хождений он поймал себя на мысли, что не чувствует того катастрофического упадка сил, какой случился с ним вчера. Похмелье ещё давало знать о себе неприятной ломотой в висках, но тоже уже не казалось сокрушительной божьей карой.

Вадим знал, что бабушка вперекор болезни держала Великий пост. Поэтому в конце решил зайти в один опрятный магазинчик, где, он помнил, можно было купить хороших орехов и тёмного шоколада. Эти радости жизни бабушка редко могла себе позволить на свою учительскую пенсию.

За прилавком стояла симпатичная девушка с длинными, крашенными под цвет вороньего

крыла волосами. Улыбаясь сквозь Вадима, она рассказывала своему мобильнику.

— Ничего такой парень, весёлый. Мерс у него почти новый. Говорит, что его личный. Обещал в «Фианит» свозить. Ну, это в Хибиногорске, там ещё пенные дискотеки бывают, в купальниках все танцуют, а сверху пена, как снег, падает. Мне Машка рассказывала... Что вам, мужчина? — оторвалась она от мобильного, обращаясь к Вадиму.

«Мужчина», — про себя грустно улыбнулся он. До недавнего времени все молодые люди вокруг, лет от восемнадцати начиная, казались ему жителями одной с ним особой планеты. Все их мысли и устремления, хотя и очень разные, порой несовместимые, вращались всё-таки вокруг единого полюса притяжения, одной орбиты. А вот эта вчерашняя школьница, поблёскивающая подведёнными глазками и накладными коготками, безошибочно с первого взгляда провела возрастную черту между ними. И он подумал, что, пожалуй, окажись они за одним столиком в кафе, он не знал бы, о чём таком заговорить с ней, что было бы ей интересно. Он никогда в жизни не бывал на пенных дискотеках, да и не горел желанием побывать. А ей, видимо, трудно было даже представить, что можно прийти в восторг от рок-песни с будоражащими сознание, зовущими на невидимые баррикады против пошлости и обыденности словами, как это не раз в юности было с Вадимом. Для неё всё это было чем-то из жизни древних марсиан... «Смена поколений, никуда не денешься, Вадим Сергеевич», — он снова грустно улыбнулся про себя. Пожалуй, впервые Вадим остро ощутил, что его тридцатилетний рубеж уже позади.

— Мне полкилограмма фундука и столько же кешью, — вслух произнёс он.

7

Во сне Богородица протягивала ей ребёночка. Одного из тех, кому, поддавшись на уговоры и угрозы свекрови, она не дала появиться на свет. «На, покачай», — говорили Её ласковые и кроткие глаза. И печали не было в них. Как не было её во всём большом, светлом, разлитом вокруг мире.

Все люди в нём давно простили друг другу неизбежно причинённое зло, все, стоя в золотистом храме, улыбались друг другу. И её внук в кожаной куртке, совсем ещё молодой, но почему-то с короткой курчавой бородкой, делавшей его неуловимо похожей на Иисуса Христа, тоже улыбался ей.

Вот только бутылка. Та самая, бледно-зелёная, льдисто сверкнувшая в руках пьяного подростка. Она пролетела, едва не коснувшись её головы, и до сих пор летит где-то в просторах вселенной. «Ох, не попала бы она в моего Вадика!» — с этой тревожной мыслью, перебившей светлый сон, Серафима Никитична проснулась.

Могильная тяжесть, давившая на левый бок, зажигавшая оранжевые искры в глазах, отступила. «Помог-таки укол», — подумала она, чувствуя приятную лёгкость в теле и зябкую свежесть от пробившей её во сне испарины. Она осторожно встала с тахты, словно боясь вспугнуть пришедшее облегчение. Всё было нормально, руки и ноги слушались её. С давно забытой охотой Серафима Никитична принялась за хозяйственные хлопоты. Надо было приготовить обед, постирать поднакопившееся бельё, найти один старый учебник, который давно обещала отдать знакомой учительнице.

Да, надо бы, пока Вадик не пришёл, позвонить Танюше. Таня, единственная её дочка, боль и радость. Её, только её удалось отстоять, вырвать из цепких пальцев небытия. Вперекор сердитым взглядам свекрови, склонявшей её к третьему аборту, она решила рожать. Даже вещи уже собрала — уехать хотела к родителям в деревню. Да муж, который с матерью заодно был, в последний момент опомнился, уговорил её остаться. Сказал, что сам давно хочет ребёнка.

Правда, с мужем, Алексеем Матвеевичем, жизнь совместная всё равно не сложилась. Лет через пять, как переехали они в Зимогорск, пить он начал, связался с компанией забулдыг уличных. Не то чтоб алкоголиком стал, но уж больно как-то отчаянно пил. То у самого подъезда свалится мертвецки пьяным, то дома дебоширит, посуду бьёт. Не выдержала она, подала на развод.

Не прошло и года после этого, как погиб

бывший супруг её, попал под машину. Вот тут-то, наверно, и проглядела она Таню. Недоласкала, материнского тепла недодала. И прежде она много сил отдавала работе, допоздна просиживала с тетрадками учеников или подтягивала после занятий очередного оболтуса, а теперь школа для неё стала едва ли не важнее, чем дом.

Серафима Никитична покачала головой, вспомнив, как кормила дочь наспех приготовленными ужинами. «Сегодня у нас картошка немного недожаренная и немного подгоревшая», — любила повторять Танюша, когда подросла, одну из торопливо брошенных матерью фраз.

Не сильно-то Серафима Никитична и выгадывала от своих учительских стараний. Даже за репетиторство денег не брала. Так, иной раз вазу подарят благодарные родители ученика, поступившего в институт, а чаще всё заканчивалось коробкой конфет.

Да она и не сильно огорчалась. Всё казалось, что доброе дело, на совесть выполненный труд ценны сами по себе. Ну, и за работой как-то легче было, забывалось всё тяжёлое, что на душе. А вот Танюша-то и обижалась на неё, как потом высказала в горячке. Весь свой самый звонкий девичий возраст проходила дочка в скромненьких платяницах да туфельках. А в то время немало уже её одноклассниц по праздникам щеголяли дорогими импортными нарядами, в школу напомаженные приходили. Теперь-то жалеет Серафима Никитична, что тогда всему этому как-то не придавала значения.

Не сложилось у Тани с любовью в старших классах. В слезах с выпускного пришла. Знакомые намекали, кивая на долговязого, симпатичного парня из соседнего двора. А дочка матери так ничего и не сказала, не поделилась. Не было у них такого, чтоб откровенно о том, что на душе, друг дружке рассказывать.

Серафима Никитична налила в чайник воды из-под крана. Обычно она отстаивала воду в специальном графинчике, на дне которого лежало несколько старинных серебряных монет. Но в последние дни из-за болезни сил наполнять его, поддерживать эту десятилетиями соблюдавшуюся традицию не было. Чиркнула несколько раз спичкой, поставила чайник на

голубой подрагивающий кружок. А потом наполнила и графин. Чай для Серафимы Никитичны сродни лекарству. Попить его, осторожными глотками вбирая в себя слегка обжигающий нёбо, обволакивающий теплом душу целительный напиток, и все трудности вполовину легче. Дождаясь, когда закипит вода, вновь задумалась о том, как непросто сложилась их с дочкой жизнь.

После выпускного Татьяна вдруг передумала в Ленинград ехать, в институт поступать. Наверно, надеялась ещё, что обратит на неё внимание Сашка её долговязый. Напрасно надеялась. В армию его другая провожала.

Таня окончила местный торговый техникум и тут же замуж выскочила, словно торопил её кто. А Серафима Никитична, хоть и видела, что чувств сердечных у дочери к Серёже, едва ли не первому Таниному ухажёру, особых не было, отговаривать от замужества не стала. В двадцать один год, думала она тогда, человек уже сам должен понимать, что делает.

Вот и за это теперь дочка на неё обиду держит. Дескать, отговорить должна была, как более опытная женщина. А какая она опытная? Сама в загсе, можно сказать, скандал устроила, паспорт проштампованный из окна выбросила. Муж новоиспечённый бегал, поднимал. Как развелась, ни одного мужика близко к сердцу не подпускала и замуж не пошла, хоть и звали.

Дочка с зятем поначалу вроде ладно жили. Квартиру свою им быстро дали. Тогда много в Зимогорске жилья строили. Серёжа на шахте зарабатывал неплохо. Вадим, внук её единственный, родился. Серафима Никитична уже было успокоилась за молодых — стерпится-слюбится. Да попить стал Сергей, и чем дальше — тем больше. Серафиму Никитичну как раз тогда завучем сделали. Времени нянчиться с внуком, помогать Танюше, разбираться в их семейных отношениях почти не оставалось. И почему-то ей всё казалось, что это дочка сама виновата, что зять пьёт чем дальше, тем больше. Тут уже основательная трещина между ними пролегла. Редкий праздник вместе встречали, хоть и жили в трёх автобусных остановках друг от друга.

Тогда-то вроде в суете повседневной казалось, что не так это страшно. Думалось, что на-

ладится ещё жизнь. Много впереди лет. Вот выйду на пенсию... А теперь сколько годов осталось — один, два? И ничего уже не наладишь. Только Вадим... Серафима Никитична, теплее сердцем, посмотрела на оставленную внуком на подоконнике банку с каким-то необычным мёдом... Впрочем, мысли её скоро свернули на прежнюю колею.

Танюша так же, как мать её прежде, на развод подала. Сергей ещё попьянствовал в Зимогорске с год, помыкался по чужим углам, да и укатил куда-то в Сибирь. Так о нём и не слышали они ничего с того времени. Таня из гордости даже на алименты не подала. А с завучей Серафиму Никитичну быстро сняли. И двух лет не прошло. Кто-то в заезжей комиссии из Романовска удивился, что она не состоит в компартии. И предложил эту «оплошность» быстро исправить. Да только она не согласилась. Были на то причины. Тут ещё всплыло, донёс кто-то, что на одном из уроков прежде она обсуждала со старшеклассниками книгу опального тогда Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». В общем, с завучей её «спустили» обратно в учителя.

А потом, когда Вадим уже школу заканчивал, как с цепи сорвалась Таня. Любовь у неё какая-то объявилась в Ленинграде, Петербурге по-нынешнему. Квартиру за копейки продала — тогда, в девяностых, многие с Севера уезжали, цены сильно упали. Укатали дочка к новому своему.

А Вадим в институт областной поступил в Романовске. Гордилась им бабушка. С годами они как-то всё ближе друг другу становились, и тепло, недоданное Тане, старалась она излить на внука. Вадим на каникулы стал к ней приезжать, а не к матери, где он не ко двору был. Вот так и получилось, что постепенно её дом стал и его домом.

Серафима Никитична уже налила заварку в цветастую кружку с треснувшей у основания ручкой, как услышала вибрирующие позывные телефона.

Кто бы это мог быть? Из церкви, что ли?

— Мама, здравствуй, как твои дела, как себя чувствуешь? — со знакомым напряжением в голосе начала разговор давно не звонившая дочка.

Серафима Никитична не удивилась, что дочка позвонила именно в то время, когда она думала о ней. Так было уже не раз. Не слабея с годами, протянулась между ними сквозь тысячи километров связь, которая была понадежнее той, что излучали современные спутники и антенны.

«Сказать или не сказать, что Вадим здесь? — лихорадочно размышляла Серафима Никитична. — Скажешь, она опять обидится, что приехал не к матери, а к бабушке, переманиваю, мол, хотя и знает, что в доме отчима Вадиму и день пробыть неловко. А вдруг внук уже позвонил, рассказал ей всё?»

— По-разному бывает, но ничего, держимся, — уклончиво ответила она в трубку.

После первых же фраз Серафима Никитична поняла, что дочери ещё ничего не известно про то, что случилось с ней в последние дни.

— Ну а у тебя-то как дела, Таня? Почки твои как?

Сначала Таня в тон матери отвечала уклончиво, а потом её уже привычно прорвало.

— Не нужна я тут никому! Падчерица вчера опять орала, чтобы я убиралась в свой Мухоморск. Представляешь! Опять меня попрекает, что я, мол, ради квартиры в Питере замуж вышла. А папа её лишь отмахивается от меня — не обращай внимания, говорит. Одна ты у меня, мама! Да ещё Вадик. Хоть и забыл он меня совсем, осуждает, наверно.

Это было правдой. Вадим в последние годы почти не навещал мать, даже разговаривать о ней и её проблемах не любил.

— Сходи в церковь, дочка, исповедуйся, причастись, душе легче станет, — как можно мягче посоветовала Серафима Никитична.

— Опять ты со своими святыми, мама, — как будто только и ждала повода, начала повышать голос Татьяна. — Сначала всё в коммунистов верила, на Ленина молилась, дочки рядом не замечала, а теперь в церкви полы моешь. Всё надеешься, что кто-нибудь тебя по головке погладит. Если не родная партия на этом свете, то хотя бы Господь Бог — на том спасибо.

Дочка не хотела ничего слушать, почти уже кричала что-то истерично-злое и несправедливое. Наконец она привычно швырнула трубку.

Серафима Никитична знала, что пройдёт день-два, Таня позвонит и виноватым голосом начнёт оправдывать своё поведение болезнью, извиняться. А потом всё повторится сначала. Это-то и ранило больнее всего, бредило душу, исходящую горячими слезами. Выхода, надежды на то, что отношения с дочкой наладятся, что когда-нибудь можно будет успокоиться за неё, родную кровинку, продолжение своё на земле, не было.

А то, что Ленин идеалом для неё был, — это правда. Вот только стоит ли её сейчас этим попрекать? Ведь искренне она верила в то, что внушалось ей с детства: в семнадцатом году власть в России взяли беззаветные, пламенные революционеры и повели страну к светлому будущему.

Потому и в партию вступать отказалась, что считала себя недостойной. А просто ради того, чтобы выгоды какие-то от партийности поиметь, как тогда многие делали, для неё такое и вовсе невозможно представить было. Когда в конце восьмидесятых тома Ленина да Маркса на макулатуру стали сдавать и даже на помойки выкидывать, — ох, как сердце кровью обливалось! У неё вон до сих пор в чулане бледно-голубой потёртый томик избранных работ ленинских. Нет, не потому, что в коммунизм она продолжает верить. Просто с этой книжкой часть её жизни связана. Она, как понятно стало сейчас, и тогда, в советское время, не в тот коммунизм верила.

Верила она в то, что надо честным своим трудом приближать наступление всеобщей земной справедливости. А всё же червоточинка в душе жила какая-то: что-то не так в её жизни. Одно-го честного труда недостаточно. «Не по Господу живёшь», — сказала бы бабушка Анна. Те же аборт... Сколько лет душу ржавчиной разъедала нераскаянная память о них. Ведь отстояла же она Танюшу, значит, и других могла отстоять, если бы не поддавалась искушению пожить получше, с куском послаще.

С годами всё чаще стали вспоминаться ей обрывки деревенского детства. Как молились всей семьёй на Благовещение иконе «Нечаянная радость». Мама потом рассказывала, что долго ждали в их семье девочку, уже и ждать почти перестали — четверо парней, братьев её,

один за другим народилось. И вот нечаянно родилась она, долгожданная...

Когда в начале 90-х стала всё чаще приходиться в церковь, далеко за пятьдесят уже было — ох, и сурово же смотрела на неё с образов Пречистая Мать, Богородица. Года два прошло, не меньше, прежде чем помягчел Её взгляд.

А как огорчалась, плакала даже Серафима Никитична, когда не могла церковнославянский язык понять, прочувствовать. И Псалтирь, и молитвы древние как будто закрывались от неё, прятали свой смысл. Но постепенно оживали перед духовными глазами заветные страницы.

Серафима Никитична открыла кофейно лоснящиеся дверцы шифоньера, уже и забыв, чего здесь найти хотела. Скользнула взглядом по стопке потёртых, разбухших от времени и вложенного труда тетрадок. Взяла наугад одну из них. Вглядывалась, медленно переворачивая исписанные ровным ясным почерком страницы. Вспомнилось, как просиживала вечера в библиотеках — доискивалась, чем бы уроки свои расцветить, уйти от казённого преподавания по учебнику. О тех же классиках всегда ведь можно так рассказать, чтобы ребятам интересно было. Как Пушкин в пруду до поздней осени купался, как Куприн в цирке работал, да мало ли что ещё.

И ведь получалось! Ребята любили её слушать. Потом через годы спасибо говорили, когда сталкивались с ней на улицах случайно. На встречи бывших одноклассников приглашали. ...День за днём, год за годом отдавала себя работе, пропускала её через себя. И не зря, нет, не зря она старалась! Вот это чувство достойно прожитой жизни, которое охватило её сейчас, его ведь не купишь ни за какие деньги. Чего бы там по телевизору не говорили нынче...

Серафиме Никитичне вспомнилось, как совсем молоденькой девчонкой — кажется, толкнёшь, и переломится в пояснице, — определили её в школу в горняцком посёлке, в десятке километров от Зимогорска.

Дали класс, от которого другие учителя, постарше и поопытней, отказывались. Хулиган на хулигане. Одних второгодников — с полдюжины. Её, как в класс вошла, всерьёз никто не воспринял — вчерашняя студентка, лет на семь

всего старше учеников. Весь урок галдели — не перекричишь. И вот, когда звонок прозвенел, встала она, — как смелости-то хватило, — у двери и говорит: «Пока урок не проведу, никто из вас отсюда не выйдет». Спокойно так сказала, тихо даже. Но услышали. А ведь парни уже здоровые были в классе — 15-16 лет. Отцы у некоторых уголовники бывшие. Плечом двинет какой-нибудь здоровяк-заводила — долго ли упасть! Однако почувствовали ребята по голосу её и взгляду, что не шутит она, до конца стоять решила. Возмущались, свистели, директором грозились приструнить, а сели, в конце концов, за парты и урок выслушали. С того дня постепенно прониклись они к ней уважением, полюбили даже. Да и она их полюбила.

8

Вадим, ещё чувствуя бодрящие покалывания мороза на щеках, торопливо вошёл в комнату. Он не был здесь около двух часов. Под конец даже стал ругать себя за то, что так долго таскался по магазинам. Серафима Никитична сидела на полу и перебирала старые учительские тетрадки.

— Вот, зачиталась я, старые записи свои смотрю, — она подняла на внука посветлевший, немного смущённый взгляд. — Знаешь, даже подъём душевный испытала. Умру — не выбрасывайте, детям твоим пригодится. Интереснейшие факты собраны. Сколько по библиотекам сидела — вот не зря.

Она кивала на тетрадки, что-то ещё говорила тягуче-плавное, доброе.

«Детям... Пригодится... — Вадим на мгновение горько усмехнулся про себя. — От кого им взяться?! Не от Виктории же, с которой ему в последнее время и поговорить особо не о чем. Да и какие дети будут в век Интернета перелистывать старые прабабушкины тетради?!»

Впрочем, главное сейчас было не это. Вадим стряхнул с себя минутную грустную задумчивость. Главное — бабушке лучше. Не зря он метался утром по соседям, не зря укололся о шипы телефонной девицы, вызвал скорую. Вадим доставал из пакетов коробки с лекарствами и чувствовал себя победителем.

Бабушка между тем затеяла какую-то нехитрую стряпню, набрала воду в тазик для стирки. Остановить её, уговорить полежать не было никакой возможности. Вадим с детства помнил, что без дела она сидеть не умела и если не было срочной домашней работы, она её себе придумывала. Даже в гостях у дочери постоянно что-то мыла, протирала, штопала. Теперь-то Вадим понимал, что эта привычка к труду была заложена в неё деревенским детством, которое пришлось на годы Великой войны и не менее великой послевоенной нужды и голода, когда порой приходилось есть мох, слегка присыпанный мукой, работая от света до темноты. Об этом рассказывала бабушка, об этом доводилось читать в книгах и журналах.

9

Н еяркий весенний день заливали тоскливые сумерки. Едва мелькнувший за окном оранжевый проблеск солнца задавили наползающие с гор рыхлые, как подтаявший снег, тучи. Радостное возбуждение Вадима быстро прошло. Он с трудом уговорил бабушку принять парочку из купленных им лекарств. При таком её отношении к здоровью болезнь могла вернуться очень скоро. Эта тревожная мысль не раз приходила Вадиму, когда он видел Серафиму Никитичну склонённой над вспененным тазиком или кухонным столом.

А ему уезжать через два дня. Даже если он договорится на работе и возьмёт неделю за свой счёт, это ровным счётом ничего не изменит. Разве что будет потеряна четверть месячного заработка и ему придётся занимать денег, чтобы заплатить за квартиру, которую он снимает на окраине Москвы. Что же делать? Может быть, всё-таки вызвать сюда мать, не щадя расказать ей, что с бабушкой?

Вадим машинально пожевал приготовленной бабушкой чечевицы, глотнул чаю. Встал к раковине ополоснуть за собой посуду.

Как раз в ту весну, когда он оканчивал школу и готовился поступать в областной институт, мать стала уж как-то очень раздражительна. И не только с бабушкой. А ещё говорят, любовь возвышает. Потерять она, что ли, сво-

его залётного ухажёра, командированного из Питера боялась?!

А полгода спустя... Нельзя, конечно, сказать, что она его, единственного сына, предала, оставила на улице, продав квартиру. В конце концов, давно было ясно, что однушка бабушки перейдёт ему, единственному и любимому внуку.

Но всё же он до сих пор не мог простить матери той минуты, когда она по телефону сообщила ему, что решила уехать в Питер к новому мужу, а квартиру, в которой Вадим впервые начал помнить себя, где стены и мебель хранили отголоски его детства, — эту квартиру продать.

Тогда ещё мобильные телефоны были не в ходу. Он, получив извещение, специально пришёл из общаги на переговорный пункт ближайшей почты. Приближался Новый год. Вадим шёл по опоясанному весёлыми гирляндами, опушённому лёгким морозным снежком Романовску, и в душе его нарастало ожидание чуда. Так часто бывало с ним в предновогодние дни, но этот декабрь был особенным. В этом сверкающем огнями прекрасном городе уже готовилась к встрече с ним, думала о нём лучшая девушка на Земле. Наконец-то к нему пришла любовь, и любовь взаимная. Правда, он ещё не признавался ей в любви и, конечно, не слышал её признаний. Но когда Женя после поцелуев с улыбкой чуть снизу заглядывала в его глаза, ему казалось, что всё понятно без слов.

После этого самого обычного, как он был уверен, телефонного разговора с матерью у них было назначено очередное свидание.

— Жильё в Зимогорске дешевлеет каждый месяц, — с нервным нажимом в голосе оправдывалась мать перед ним. — Ещё немного — оно даром никому не нужно будет. Скоро здесь никто кроме стариков жить не останется, завод еле дышит. И шахты, я слышала, закрывать будут. У тебя никакого будущего в этом городе. А мне в Питере деньги очень будут нужны. На первое время, пока работы не найду... Понимаешь, чтобы не сказали, что я на всё готовенькое приехала.

Вадим слушал доносящийся сквозь потрескивание почужевший голос родного человека, вжимал в ухо чёрную громоздкую трубку, смотрел на ждущих своей очереди людей за стеклом

переговорной кабинки и не верил, что всё это происходит с ним, что его мать ради «денег на первое время» собирается продать то, что он считал своим родным домом.

Он потом долго не мог прийти в себя. И свидание получилось грустным и скомканным. Евгения пришла именно такой, какой он воображал её ещё за минуту до разговора с матерью, — улыбчивой, с обещающей счастье лукавинкой в глазах, одетой в недорогую, но очень шедшую её фигуре короткую чёрную шубку. Вадим почему-то не мог рассказать Евгении, что с ним случилось, хотя она и спрашивала, пыталась его разговорить. Может быть, он ещё надеялся, что ему удастся переубедить мать, и не хотел «плакаться», тем самым как бы расписываясь в своей беспомощности. А ещё ему почему-то казалось, что Женя не поймёт его переживаний. Ведь она здесь, в Романовске, трижды с родителями переезжала с квартиры на квартиру и, кажется, не видела в этом ничего особенного. Впервые в тот вечер расстались они со смутным чувством недовольства друг другом.

Кстати, и его желание хорошо учиться в институте именно тогда пошло на убыль. Первую сессию он сдал спустя рукава. А потом уже пошли волочиться несданные хвосты от семестра к семестру. Впрочем, сейчас, перевалив за тридцатник, Вадим уже понимал, что слишком часто мы невольно перекладываем вину за свои неудачи на самых близких людей.

За прошедшие с того звонка тринадцать лет они виделись с матерью всего раз десять. Обычно она приезжала к нему в Москву. Однажды уговорила его приехать, провести зимние каникулы в Питере. Но он не выдержал там и недели. Не мог он считать своим домом двухкомнатную питерскую хрущёвку, где дочь и мать отчима смотрели на него с высокомерным недоверием и разве что не вслух считали часы до его отъезда.

Каждый раз после встречи с матерью оставалось в нём чувство жалости и недовольства собой. Как будто это он был виноват в том, что новая семейная жизнь приносила ей мало радости. Да вот и бабушка проговорила как-то, что испытывает нечто похожее. Пару лет назад дочь приезжала к ней в гости и уже на третий день швыряла скомканные вещи в чемодан с

криками, что её место на зимогорском кладбище рядом с отцом, что здесь, на этом свете, она никому не нужна.

«Нет, звать такую помощницу сюда не стоит, — окончательно решил Вадим. — Больше вреда от неё будет, чем пользы».

Усталость, которую он весь день отгонял от себя деятельным возбуждением, улучив момент, навалилась на него, опрокинула на тяжело скрежетнувший под ним диван. Отголоски похмелья давали знать о себе напозавшей вместе с законной темнотой апатией и унынием.

Сквозь охватившую его дремоту Вадим слышал, как бабушка, поскрипывая половицами, прошла из кухни в коридор. По доносившимся оттуда звукам Вадим понял, что она чистила его ботинки и запихивала в них комки старых газет.

«Вот и я тот ещё помощничек...» — думал он, засыпая.

10

Открыв глаза, он с минуту смотрел, как наливаются весенним солнцем светлые, тоже как будто весенние, занавески. С кухни доносилось шипение чайника, как-то по-особенному уютно пошваркивала на сковороде картошка.

Потянувшись, Вадим почувствовал, что окончательно избавился от похмельной мути в душе. За окнами сиял погожий весенний день, а бабушке, кажется, не стало хуже. Вадим пружинисто встал с кровати и, быстро одевшись, заглянул на кухню. Серафима Никитична встретила его ясной, даже какой-то просветлённой улыбкой. Она довольно бодро передвигалась на пяточке между раковиной, плитой и кухонным столом.

А может, он сильно преувеличил её болезнь?!

После завтрака Вадим всё-таки заставил её принять лекарства и уложил в кровать, всучив одну из привезённых ей из Москвы хорошо изданных книг о православном новомученике. Он знал, что бабушке в последние годы нравилось читать, как она сама говорила, «церковное». Ему же подобная литература долгое время

казалась скучноватой, слишком уж назидательной и далёкой от того, чем он жил. Но как-то в Интернете он случайно вычитал историю о русском солдате Евгении Родионове, который отказался снять православный крестик, за что чеченский боевик отрезал ему голову. И эта история глубоко запала ему в душу. Вадиму в последние годы казалось, что весь мир заражён шкурным прагматизмом. А тут такой нелепый с практической точки зрения и одновременно великий поступок. Нет, объяснить это только глупостью или фанатизмом было нельзя. Тут было нечто большее, необъяснимое с позиций плоского потребительского мировоззрения, которое навязывали их поколению в последние два десятилетия. Вадим долго ещё возвращался мыслями к необычному подвигу солдата, которого некоторые верующие уже считали святым. Вадим был ещё далёк от церкви, но с того момента пробовал несколько раз читать Библию и жития древних святых. В тягучей церковнославянской вязи он чувствовал какую-то пока неясную ему силу правды.

— Давай-ка сделаю тебе массаж, это сейчас очень полезно для тебя должно быть, — обратился он к бабушке спустя полчаса, увидев, что она отложила книгу.

— Давай, через сорочку только, — на удивление быстро согласилась она.

С детства Вадим запомнил ощущение мягких, но сильных бабушкиных рук на своём теле. После того как руки эти делали последние поглаживания по его спине и плечам и принимались за другую работу, Вадим ещё долго лежал в блаженной невесомости, чувствуя, как переливается в нём, медленно истончаясь, подаренное ими тепло.

Сейчас внук в свою очередь старался на совесть, вкладывая свою ещё молодую горячую силу в тело столь дорогого человека.

— Спаси Господи, Вадик. Отдохни, а я ещё полежу, подремлю немного, — поблагодарила бабушка, когда он, слегка задыхаясь, последний раз провёл по её спине.

Но отдохнуть Вадим не собирался. Как будто разбуженная солнцем весна за окном пульсировала в нём, побуждала к действиям. Ему показалось, что в доме мало продуктов. Надо было сделать запас хотя бы на первую неделю пос-

ле того, как он уедет. Под этим предлогом он быстро оделся и, гулко топая по ступенькам, вылетел из подъезда.

Солнечный, искристый город обступил его с первых шагов. Словно бы Зимогорск только сейчас заново признал его своим. Ликующий отсвет ранней весны лежал на всём: на узорчатых сплетениях веток в голубом, слегка морозном воздухе, на тротуарах, сверкающих ледяным крошевом, на светлой белизне припорошенных ночью скамеек в городском парке. Он угадывался в блеске окон и на лицах встречаемых прохожих.

Даже в наплывающем шуме редких машин чувствовалась она — долгожданная заполярная весна. Тому, кто не переживал зимы на Крайнем Севере, никогда не испытать те радостные волны в душе, которые будит этот ослепительно бледный шар, медленно перекатывающийся над землёй. Но Вадим вырос здесь, и в эту минуту ему казалось, что и он вместе со всеми пережил несколько недель почти круглосуточной сиреновой тьмы, тоскливо-зычных метелей и нарастающей апатии, что это и его за долгие лишения вознаграждает сейчас солнце.

Вадим обошёл несколько магазинов, покупая почти без разбору всё постное, что могло долго храниться. Наконец с набитыми пакетами он, облегчённо вздохнув, вырвался из магазинной толчеи на свежий воздух. Не зная, чего бы ещё предпринять, решил сделать небольшой крюк, чтобы пройти через центральную городскую площадь. Ту самую, где останавливались междугородные автобусы и где меньше двух суток назад он шёл, такой больной и потерянный.

Нет, сейчас здесь всё было по-другому. Поставив пакеты на скамейку, Вадим жадно смотрел вокруг. Светлые стройные здания, поблёскивая окнами, обступали просторную площадь. В дальнем углу у кинотеатра припарковалось несколько такси. Шофёры стояли рядом, курили, оживлённо переговариваясь. Чета пожилых горожан кормила голубей хлебом. Их морщинистые лица светились тихой радостью. Молодая мамаша, подставляя лицо солнцу, сидела на скамейке и покачивала коляску. Над самой головой Вадима мелькали задорные хохолки свиристелей, которые, осыпая с гроздей маленькие искристые снегопады, склёвывали ве-

село алеющие ягоды прошлогодней рябины.

Ютившиеся в уголках памяти Вадима воспоминания высветились в нём в эту минуту. Вон там, в углу площади, из-за снежных веток рябинника выглядывает серебристая плешь великого деятеля двадцатого века. Когда-то Сергей Есенин, возможно и не совсем искренне, сравнил его с солнцем. «Да, не удалось этим «солнцем» растопить «хладную пакость планеты», — вдруг подумал Вадим, который в юности неожиданно для себя увлёкся стихосложением, и, чтобы оценить степень своей гениальности, стал сравнивать свои стихи со стихами великих поэтов, что нашлись в его доме и библиотеке бабушки. (Одно положительное следствие того увлечения было налицо — он теперь знал наизусть десятки цитат из классиков, чем иногда можно было походить и, как правило, иронично блеснуть на корпоративах.)

Убеждённый телевизионной пропагандой девяностых, Вадим долгое время считал Ленина и всю «большевистскую рать» самым большим несчастьем, какое за всю историю постигало Россию. Но позднее ему довелось сделать цикл интервью с известными историками. Слушая их противоречивые оценки того, что произошло со страной в XX веке, он поневоле увлёкся этой темой, прочитал множество других мнений и оценок и в итоге сделал вывод — большевики были тем горьким, но неизбежным средством, которое помогло сохраниться стране и нации, стоявшей на грани цивилизационного краха.

Сам памятник Ленину не был сейчас для Вадима ни плохим, ни хорошим. Он просто оставался одной из примет его детства. Здесь в яркий осенний день ему повязывали алый, как гроздь рябины, пионерский галстук. И, что бы ни говорили о цинизме их поколения, для него тогда, как и для многих одноклассников, этот галстук долгое время был не просто красной тряпкой, а знаком доверия, который обязывал жить честнее и трудолюбивее.

А в самом рябиннике, за спиной застывшего с вечно воздетой рукой Ильича, классе в третьем-четвёртом они любили прятаться с единственным другом и, воображая себя индейцами-охотниками, обстреливали из самодельных трубочек тугими рябиновыми пуль-

ками машины «бледнолицых». А однажды, набравшись смелости, обстреляли аж семиклассника, который горделиво шествовал рядом с девчонкой, неся её портфель. Страшно весело было удирать от этого «жениха». И совсем не весело получать от него потом оплеухи в школе.

Здесь же, на площади, подпив с компанией таких же, как он, студентов, уезжающих с каникул на учёбу, они горланили шевчуковское «про рюмку на столе и небо на руках». Выпившая с ними Надя для смеха стала обходить мнущихся вокруг в ожидании автобуса пассажиров с откуда-то взявшейся у неё широкополой шляпой: «Помогите бедным музыкантам... на кусочек хлеба со стаканчиком водки!»

«Надя...» — морозной молнией мелькнуло у него в голове. Наверняка она есть где-то в социальных сетях. Интересно было бы посмотреть, что она сейчас из себя представляет. В общем-то симпатичная была девушка. Хотя и довольно взбалмошная.

Как-то раз, уезжая с каникул, они опоздали на рейсовый автобус, вышли голосовать на шоссе. Их подобрал тогда старенький военный «козёл», в котором сидел подвыпивший капитан, добродушно материвший водителя-призывника. Увидев в руках Нади зачехлённую гитару, капитан не терпящим возражений голосом потребовал, чтобы они спели что-нибудь студенческое. Надю уговаривать долго не пришлось, и она в трясущемся газике начала петь что-то про молодых людей, которые неплохо провели время, воспользовавшись тем, что родителей нет дома.

Кажется, Надя была не совсем равнодушна к нему, Вадиму. Но он тогда ещё встречался с Женей.

Вадиму вспомнилось, что когда-то недалеко отсюда было единственное на весь город интернет-кафе.

«Лишь бы его не закрыли», — едва ли не вслух подумал он. Его охватило какое-то лихорадочное чувство. Почему-то он поверил в эту минуту, что совсем не случайно ему вспомнилась Надежда.

«А Вика?» — на минуту усомнился он.

А что Вика? Вот уже второй год тянутся их странные отношения. Встречаются несколько

раз в месяц, но никто из них даже не думает о чём-то большем. Раньше хоть было увлечение, радость новизны... А теперь что? Когда они, проводя вместе выходные, не занимаются сексом или не смотрят очередную скачанную из сети голливудскую новинку, им как-то даже особо нечего делать друг с другом. Он пытался однажды, после второго бокала вина в какой-то кафешке, заговорить с ней о том, что жизнь их течёт как-то плоско, без особого смысла и цели. Но она лишь игриво прищурила глазки и кокетливо спросила, не разонравилось ли ему спать с ней.

Похоже, единственное, что её всерьёз интересует, это как бы поскорее стать успешной москвичкой со всеми прилагающимися к этому званию атрибутами: квартирой в хорошем районе, престижной иномаркой, ну и «релаксом» два раза в год по две недели на далёких заморских курортах. Впрочем, последнее у неё уже есть. Причём проводит отпуск она всегда без Вадима, объясняя, что ей нужна полная отключка от всего, что напоминает о столичной жизни. Да он и не рвётся лететь с ней. И не особо переживает по поводу того, если выищет она в конце концов на курорте перспективного жениха. Ведь он-то по понятиям амбициозной провинциалки под такую категорию не подпадает. Такой же, как она, бесквартирный и даже безмашинный. Впрочем, кто поймёт до конца душу женщины! Дважды он пытался уйти от неё, громко хлопнув дверью. Но она снова возникала в его жизни, слала эсэмэски, предлагала начать всё заново. И он, помявшись, соглашался. Вадим догадывался, почему всё тянется, не обрываясь, их бесперспективный в общем-то роман. В огромно-равнодушном городе, где крикливо раскрашенные, модно разодетые девицы на вечерних улицах порой казались ему холодным отражением дорогих витрин и светящихся реклам, надо было знать, что хоть одна живая тёплая девушка имеет отношение к твоей неустроенной жизни, готова заварить тебе поздно вечером чай, разделить ложе и хоть изредка погладить по голове. Вика, видимо, по-своему, поженски чувствовала нечто похожее.

— Не понимаю, как ты в этой Москве живёшь! Была я там прошлой весной. Люди в метро, как киборги, глаза пустые, ничего перед собой не видят. Кажется, станешь на пути потока в переходе — сметут. По улицам в центре не погуляешь нормально. Шум, теснота. В кафе не зайдёшь — всё дорого. Нет, я так жить не согласна. — Глаза Нади уже весело блестели от выпитого. — Кстати, сколько ты там получаешь?

Вадим, немного завесив, назвал цифру.

— Неплохо, — кивнула Надя. — Но всё равно ни за какую зарплату не хотела бы там жить.

«Как будто бы я хотел, — подумал про себя Вадим. — Не сюда же было возвращаться из Романовска на бабушкину пенсию жить». Тогда, в конце девяностых, в Зимогорске работы для молодых людей с филологическим образованием не предполагалось. Да и сейчас, наверное, не густо.

— Не понимаешь ты Москвы, тут врубиться надо, не один год пожить, — вслух ответил он. — И люди там, как везде, разные. Иногда, правда, кажется, всем наплевать друг на друга. А случится что-то даже вроде незначительное... Помню, возвращался с какой-то попойки... Время уже за час ночи. Последний поезд в метро у меня перед глазами двери закрывает. Ну всё, думаю, мне до моего Марьина до утра пешком тащиться — денег в кармане рублей двадцать. И на банковской карте почти по нулям. И тут ребята двери попрдержали, запрыгивай, мол, брат. Пивом потом меня ещё угостили в вагоне. Вот после таких историй понимаешь, что люди везде остаются людьми.

Настроение у Вадима было отличное. Всё складывалось удачно. Даже неправдоподобно удачно. Днём он нашёл страничку Нади в одной из социальных сетей, написал ей. И уже через пару часов она позвонила по указанному в его сообщении номеру. Они договорились встретиться вечером.

Конечно, немного беспокоила бабушка. Днём она по-прежнему бодрилась, делала домашние дела, но при этом часто ложилась отдыхать на тахту. Вадим успокоил себя, что будет с ней на связи. В конце концов, он в от-

пуске, и кто сказал, что его постоянное присутствие сильно улучшит её самочувствие.

«Ложись без меня, приду поздно!» — кинул он, уходя.

И вот они сидели в сиреневых сумерках маленького кафе. Лицо Нади казалось Вадиму почти таким же миловидным, как и восемь лет назад. В нём даже больше появилось какой-то женственности, зрелой притягательности. Свет от лампы на их столике мягко падал на её каштановые волнистые волосы, романтично поблёскивал на изгибах серебристо-чёрного платья. Под платьем угадывалось немного располневшее, но вполне себе сексапильное тело. Чем чаще наполнял Вадим их бокалы, тем больше его волновала близость и доступность этого тела. Согласие Нади на то, чтобы их встреча закончилась отнюдь не за этим столиком, читалось в её слегка рассеянной и хитроватой улыбке, с которой она встречала его взгляд, в уголках её чувственных губ, в каждом её плавном, дразняще ленивом движении.

Вадим не был избалован мужскими победами. Однако на этот раз не торопился довести их встречу до логического финала. Ему нравилось сидеть в этом провинциально-старомодном, но уютном кафе, с лёгким пренебрежением к ценам угощать свою симпатичную спутницу.

Они уже успели посмеяться своим забавным студенческим воспоминаниям, расспросили друг друга о нескольких общих знакомых. Надя рассказала, что была замужем. Да и сейчас формально замужем. С мужем они поссорились, уже год не живут вместе и вряд ли сойдутся вновь. Он умотал куда-то на побережье, работает на метеорологической станции.

— Он что у тебя, синоптик? — улыбнулся Вадим, вполуха слушавший Надин рассказ.

— Во-первых, уже не у меня, а во-вторых — слесарь, — тоже улыбнувшись, ответила Надя, мягко положив ладонь на его запястье.

«В юности всем нам кажется, что мы достойны чего-то необычного, выдающегося», — подумал Вадим. Ему вспомнилось, что в институте Надя, порвав с очередным ухажёром из романовской мореходки, любила шутить, что выйдет только за капитана дальнего плавания или за известного музыканта.

— А ты красивый, особенно если вот так смот-

реть, сверху, — Надя, протянула ему руку. — Пойдём потанцуем?

На небольшом пятачке в центре кафе уже переминались, интимно покачиваясь в такт приторно-сладкой мелодии, две пары.

— А почему бы и не составить им компанию? — кивнул Вадим в их сторону.

Он с удовольствием чувствовал нежную податливость Надиной руки, мягкое тепло её талии. Серебряные шары плавно кружились над ними, словно спутники его, Вадима, зарождающегося счастья.

— Я ведь тоже, как ты, поначалу не хотела сюда, в Зимогорск, возвращаться, — тихо рассказывала Надя. — Думала в Романовске как-то устроиться, чего-то доказать то ли себе, то ли родителям. В областную газету журналисткой устроилась, по общагам, по съёмным квартирам жила. Нахлебалась этого выше крыши. Однажды, представь, в общежитии умываюсь, а мне на руки пьяный сосед по блоку блюёт. И я понимаю в этот момент, что, если врежу ему, он даст сдачи. А я только на работу устроилась в газету, на испытательный срок. Приду с синяком — сам представляешь, что обо мне подумают. Вот так руки вымыла и ушла, ничего не сказав.

Вадим понимающе кивнул. Подобных ситуаций хватало и в его жизни, но сейчас казалось, что это всё осталось где-то далеко в прошлом, в другой жизни и никогда не повторится. И он не понимал, зачем Надя сейчас рассказывает ему это.

— ...Ну, в какой-то момент сорвало меня с катушек. Решила всё бросить. Как раз здесь бабушкина квартира уже год пустовала. В неё мы с мужем и переехали. Знаешь, после Романовска поначалу скучно здесь было, тоскливо даже. Там всё-таки областной центр, звёзды на гастроли приезжают, выставки, фестивали. Всё время что-то новое, какие-то встречи, знакомства. А здесь на День города мэр какую-нибудь заплесневелую попсовую группку из Москвы вытащит, так её сначала полгода ждут, а потом полгода вспоминают, как клёво они оттянулись на городской площади. Я сначала думала: неужели и я так буду?! А теперь ничего, привыкла. Как говорится, расслабилась и пытаюсь получать удовольствие.

— Город, где живёт девушка с такими губами, не может быть скучным по определению, — в эту минуту Вадим искренне верил тому, что говорил.

Надя улыbnулась своей миловидно-хитровой улыбкой.

Они целовались, танцую; целовались за столиком; целовались, как подростки, на морозной ночной улице, дожидаясь, когда подъедет заказанное такси; целовались в такси, не обращая внимания на хмуро косившегося на них в зеркальце шофёра. Вадим всё никак не мог оторваться от сладковатого с привкусом ментолового дыма дурмана Надиных губ.

Когда они выходили из машины около её дома, он вдруг увидел картину, которая завораживала его, когда он был ребёнком. По склону сопки, могуче темнеющей над городом, протянулась цепочка мягко сияющих огней. Вокруг них дрожала, вспыхивая золотистыми нитями, сиреневая мгла морозной мартовской ночи. В раннем детстве, хотя ему и говорили, что там всего лишь теплицы пригородного совхоза, ему казалось, что это необыкновенное таинственное место, куда невозможно попасть обычному человеку.

— Надька, смотри, красота какая! — не выдержал Вадим переполнявших его чувств. — Да за один этот вид наш город нельзя не любить. В Москве такого ни за какие деньги не покажут...

— Пойдём, романтик, — улыбаясь, она мягко подтолкнула его к двери подъезда.

Они ещё пили какое-то вино, вдруг возникшее на столе в чистенькой Надиной кухне. Порядочно захмелевший Вадим, перед глазами которого растянулась сиреневая пелена, даже не очень уловил момент, когда они из кухни переместились на пухлый, обволакивающий диван. В какой-то момент сквозь хмель он испугался, что алкоголь, как уже бывало, сыграет с ним злую шутку. Но Надя, как видно, хорошо знала, что делать в подобных ситуациях... Её вкрадчиво-нежные пальцы разбудили в его растерянной мужской плоти тугую требовательную силу.

— Ловкость рук и никакой фантастики, — в озорных искорках, промелькнувших в её глазах, ожила на мгновение та беспечная, взбалмошная студентка, что могла на спор пройтись

в одних трусиках по коридору их общежития. Вадима охватил какой-то жгучий восторг.

— Ох, ну и руки у тебя, ну и руки!.. Обнимай, обнимай меня крепче! — задыхалась от возбуждения Надя.

Несколько минут спустя они лежали рядом, расслабленные и невесомые, насытившиеся телами друг друга. Сброшенное в горячке скомканное одеяло валялось на полу. С забытой нежностью он поглаживал молочно белеющие в темноте Надины груди и живот.

— А знаешь что, Надька, возьму-ка я тебя в жёны! — неожиданно для самого себя выпалил Вадим.

— Глупенький, — рассмеялась Надя, — не получится ничего у нас с тобой.

— Это почему же?..

— В Москву опять по съёмным квартирам мыкаться я не поеду. Мама у меня здесь, да и вообще... Я здесь привыкла. А ты не такой. Если вернёшься сюда, станешь скучать, на меня злиться, что привязала.

— Привяжи, покрепче привяжи, — Вадима снова охватило какое-то полупьяное лихорадочное возбуждение. — Роди мне пацана, а лучше — двух. И нафиг мне эта Москва сдалась...

— Ну уж нет, — Надя, облокотившись о спинку дивана, присела, включила светильник. Чиркнув зажигалкой, прикурила тонкую сигарету.

Она хорошо была видна в желтовато-болезненном пятне электрического света. Вадим заметил, что грудь Нади начала провисать. А кожа около коричнево-сизых сосков сморщилась, как перезревшая слива. Это почему-то неприятно задело его.

— Детей я не хочу, — выпустила она тонкую струйку едкого дыма. — Тут с собой-то не знаешь, что делать. Я тебе не рассказывала... Я ведь ждала уже ребёнка. А потом на втором месяце испугалась, что сама себе перестаю принадлежать. Представляешь, никогда не любила макароны. А тут пробилло на них, целую кастрюлю могла съесть. И такая тупая вдруг стала. Мне на работе говорят что-то, а я, как корова, стою, глазами хлопаю и ничего не понимаю. А тут ещё муж... Он вообще неплохой человек. Книжек много читал. Вроде тебя в институте... Даже и пил не так часто. Только меры не знает.

Как выпьет — так скандал, ругань, битое стекло. Я каждый раз отца своего вспоминала в такие минуты, как я маленькой сжималась вся от пьяных криков... В общем, сделала я аборт и решила, что дети не для меня.

Вадиму вдруг стало стыдно и зябко. Он подумал о том, что лежит голый, полупьяный перед эгоистично рассуждающей женщиной, о которой ещё позавчера и не вспоминал даже.

А в другом конце маленького городка лежит, наверное, даже во сне дожидаясь его, больная бабушка, от которой ему, тридцатилетнему остолопу, уезжать уже меньше чем через двое суток. «А я ведь даже не позвонил ей вечером, как обещал», — обожгла его мысль.

Он резко встал с постели и начал собирать разбросанную по полу одежду, стараясь не глядеть на Надю.

— Уходишь? — Надя не удерживала его. — Ну, будь здоров. Дверь посильней прихлопни.

12

Вадим вышел в пустой морозный город. Был самый глухой предутренний час ночи. Ни одной живой души вокруг. В морозной тишине слышно было, как потрескивают, гудят разметающие светящиеся крылья фонари.

Номера телефонов, чтобы вызвать такси, Вадим не знал. В кафе машину заказывала Надя. Идти до дома бабушки было далеко, минут сорок. Но другого выхода не было. Зайдя за угол, Вадим ещё раз посмотрел на гору, туда, где несколько часов назад ему светили обещающие счастье огни. Теперь там почему-то было темно и дико.

Панельные пятиэтажки погасшими глазами окон смотрели ему вслед. По ту сторону этих зыбких стеклянных перемычек спали люди. Много людей. И ни одному из них не было дела до него, озябшего человека, неприкаянной тенью пробирающегося сквозь омертвевший город.

Да и почему, собственно, им должно было быть дело до человека, который из-за внезапно вспыхнувшей страстишки забыл о своей тяжело больной бабушке?!

«Дурак, идиот. Тридцать лет уже с лишком, а

вёл себя хуже мальчишки!» — злился Вадим. Ну как можно было вот так, с бухты-барухты, звать её замуж?! Хорошо ещё, Надя человек честный, сразу ему выложила насчёт детей. А если бы умолчала, со скуки или в припадке такой же, как у него, блажи, согласилась бы? Ну и намаялся бы он с ней тогда.

Теперь вот, кажется, из-за всей этой похотливой истории он потерял едва ли не последнего, кроме бабушки, не чужого человека в когда-то родном городе.

Уже на середине своего безрадостного пути Вадим заметил припаркованное к автобусной остановке такси. Тускло жёлтый огонёк на крыше «жигулёнка» поманил его к себе. Шофёр спал, разметавшись на откиннутом сиденье. Вадим засомневался, стучать ли в стекло машины. Ему казалось, что весь он пропитан сейчас чем-то нехорошим, порочным, что выдаёт его с головой. Он представил, как ухмыльнётся шофёр, едва глянув на него. Да ещё отпустит, пожалуй, какую-нибудь шуточку, мол, правильно, чего у них, баб, до утра резину тянуть, сделал дело — вали смело. Вадим решил дойти остаток пути пешком.

13

За всю эту ночь она меньше чем на час забылась зыбким тревожным сном. Ей снилось, что идёт она по дну мрачного, безысходного ущелья, похожего на то, куда водила она однажды свой класс в турпоход. Но тогда над ними всё же голубела узкая полоска обнадёживающего неба. Да и ребята, хоть и были тише и серьёзней, чем обычно, своими звонкими неунывающими голосами оживляли холодный сумрак. А сейчас во сне она была одна. Не было рядом с ней ни многочисленных её выпускников, ни Вадика, ни единственной дочки Танюши. И там, в конце ущелья, ждало её что-то необъяснимо страшное, неотвратимое, чего нельзя было увидеть, но что было разлито в сыром воздухе, в глухой, словно вата, обложившей её тишине.

Серафима Никитична проснулась, чувствуя, как снова наваливается на сердце отступившая была тупая боль. Вадима всё не было. «Не при-

вязанный же он ко мне, надо и ему иногда с ребятами в компании посидеть. Тем более в отпуске он», — успокаивала она себя.

Что-то нехорошее, какой-то надлом незаметно произошёл в их российской жизни. Нет, не тогда даже, когда распался Советский Союз и многие в их городке как-то вдруг опустились, махнули на себя рукой. Во дворах, уже не стесняясь соседей, пьянствовали компании безработных мужиков, которым другие чуть более сноровистые мужики не моргнув глазом прямо на дорогах из машин продавали палёную водку. Да что мужикам, зелёным старшеклассникам продавали! По утрам в подъездах валялись шприцы, по городу ползли слухи об умирающих от передозировки наркоманах, об убитых из-за денег «на дозу» пенсионерах. Около магазинов замаячили испитые зловонные попрошайки, а вчерашние подававшие надежды выпускники Серафимы Никитичны торговали китайскими тряпками на городском рынке. Нет, всё это было лишь обострением запущенной болезни народного организма, спровоцированного перестройкой. Истоки самой болезни таились в гораздо более ранних временах.

В середине пятидесятых она, вчерашняя школьница, поехала из своей ещё строгой нравами деревни в ближайший городок поступать в пединститут. В общежитии, куда её устроили, она сразу почувствовала себя белой вороной. Хуже. Казалось, что её односельчане, многие из которых ещё берегли, прятали на чердаках от всяких там активистов старинные иконы, и эти огрубевшие от городской жизни студентки, находившие удовольствие в том, чтобы пить и курить наравне с парнями, — два разных народа. Впрочем, это сейчас она так рассуждает, а тогда просто сбежала на третий день из общежития от чёрного мата, клубов табачного дыма, висевших по вечерам в их комнатке, от распушенности соседок. Со слезами на глазах упростила отца снять для неё угол в городе. Тот, хоть и жили они небогато, только-только начали оправляться от послевоенных прорух, понял дочку и поддержал.

Серафима Никитична, держась за стены, пробралась на кухню. Свет включать почему-то не хотелось. На ощупь налила из графина воды запить таблетки, приготовленные для

неё Вадиком. Села на табуретку у окна, подслеповато вглядываясь в освещённый фонарём пяточок двора — не покажется ли высокая, слегка сутулая фигура внука. Пусто было во дворе, тоскливо. Ей вспомнилось, как сорвалась вчера, накричала на неё Таня. И несправедливые дочкины слова вдруг снова, может быть, даже сильнее, чем тогда, во время разговора, ужалили её душу.

Всю жизнь пыталась она работать на совесть, как воспитали её деревенские родители. Что скрывать, и к похвалам была равнодушна. Но главное-то не это. Работа как бы оберегом её была. Старалась не замечать того, что иные коллеги работали вполсилы. И таких всё больше становилось. Это их дело, думала. Я за себя отвечаю. Мне родителям учеников в глаза смотреть не стыдно — это главное. А что в итоге получилось? Дочка обиду на неё держит. Мужа не сберегла. Сберкнижка с накопленными за много лет тремя тысячами рублей «на старость» в одночасье превратилась в бесполезную бумажку.

Правда, вот ученики её бывшие... До сих пор иные приходят, не забывают. Кто просто чаю попить, а кто и продуктами, вещами помогает...

Как-то лет через пять, как Советский Союз развалили, она уже на пенсию вышла, позвали её ребята на юбилей — тридцать лет окончания школы отмечали. Первый её выпуск здесь, на Севере. Кое-кого уже и седина хорошенько отметила. Лена Соколова, любимица её тайная, помнится, сказала: «Как вы нас учили, Серафима Никитична, работать на совесть и людям в глаза честно смотреть, — так мы всю жизнь и старались».

А она тогда впервые, может быть, за всю жизнь усомнилась. В тридцатых у её деревенской родни добротный каменный дом отобрали. Сами, рассказывала ей мама, по копейке на дом деньги копили, сами и клали его из кирпичей собственного обжига. Сестра-покойница лет десять назад писала, что до сих пор их дом стоит, ещё покрепче новых будет. Старались родные. Верили, что много лет послужит их роду. Вот за трудолюбие своё и поплатились — записали всю их большую семью в кулаки. До самых пятидесятых годов косо посматривали на

них иные односельчане. Потом вот и её поколение, у кого за душой какие сбережения были, обобрали. Получается, как ни старайся, каждый раз на твоих трудах кто-то другой выезжает-наживается. И как после этого быть уверенной, что правильно ребят учила? Вон и по телевизору теперь всё ловкачей удачливых показывают, молодых красивой жизнью дразнят. Может быть, теперь надо учить на таких вот вёртких героев равняться?

Не права, конечно, она тогда была в своём сомнении. Но горечь-то, горечь от того, что вот так перевернулось всё в нынешней жизни, честные да совестливые вроде как отщепенцами себя чувствуют, никуда из души не девается, крепчает только. Вслух тогда она ничего не сказала своим ученикам, но сомнение это, проросшее из едкой сорняковой семечки, долго ещё не удавалось вырвать из души.

За окном по разбитой обледенелой дороге продребезжал автобус. «Наверно «пятёрка» в горняцкий посёлок поехала, — машинально подумала Серафима Никитична и вдруг всполошилась. — Это ведь первый автобус пошёл, значит, шестой час уже! А Вадима всё нет! Ох ты, Господи, в милицию надо звонить! И ведь нет тут у него никаких приятелей. Как Егор уехал, он и не сдружился ни с кем. Приезжает на неделю, а то и меньше, как сейчас вот...» Она побрела было к телефону, но вспомнила, как кто-то из прихожан говорил ей, что милиция взрослого человека начинает искать, только когда его нет дома больше трёх суток. «Заступница Небесная, помоги нам», — Серафима Никитична тяжело перекрестилась и бессильно опустилась на тахту. Чёрная немочь зыбила её сознание. Она вдруг представила, каково будет Вадику, если он войдёт и увидит её мёртвой.

Боялась ли она смерти? Одно время ей казалось, что нет. Она была уверена теперь, что смерть всего лишь переход к иной, возможно, лучшей жизни. Так чего же ей заживаться на этом свете? И так восьмой десяток разменяла. Многих её ровесниц уже свезли на разросшееся в последние годы зимогорское кладбище. Что могла, хорошего она в этой жизни сделала. А в чём согрешила, так, слава Богу, привёл Господь её в Церковь на старости лет, дал возможность покаяться. Но вот с год назад зали-

ло её коридор и ванну. Она побрела наверх выяснять, в чём дело. Двумя этажами выше над ней жила престарелая Клавдия Ильинична. Как раз приехавшие срочно родные с какими-то ребятами в форме, похожей на военную, ломали дверь в её квартиру. То, что увидели они внутри, обожгло ужасом Серафиму Никитичну. Соседка умерла в ванне. Её мёртвое разбухшее тело безвольно плавало в парящей воде, а из крана продолжала хлестать струя.

Серафима Никитична сразу и ушла. Ей было страшно. Представила тогда она себя такой, голой, обезображенной под взглядами чужих людей. Поняла она, какая это слепая и вероломная сила — смерть. И веры её не стало хватать, чтобы бестрепетно ждать её прихода. С той поры она никогда не закрывала дверь в ванну, когда шла мыться.

А главное, была ниточка, которая удерживала её в этом мире, заставляла Господа просить продлить её дни, — Вадим. Тревожно ей было за него. С Таней тут уже ничего не попишешь. Как Бог даст. А вот Вадим, чувствовала она, находится на каком-то распутье. И, может быть, и от неё зависело, в правильную ли сторону повернёт он. Несколько лет назад, когда устроился он в известную газету, ей казалось, что жизнь его там, в Москве, налаживается. К журналистам с советских времён у неё ещё осталось какое-то невольное уважение. Хотя и слышала она много нехорошего о них, нынешних, не могла поверить, что Вадим станет неправду за деньги писать. Однако видела она по внуку: неладно что-то у него в этой столице. Да и то сказать, пора ему по возрасту семьёй обзаводиться, детьми. А он, как заговоришь с ним об этом, то отшучивается, то отмалчивается. На квартиру свою всё никак не накопит. Оно и понятно: цены там такие, что в голове не укладывается. А сюда его звать вернуться тоже не решается. Чует её сердце, не место ему здесь. О-хо-хо, Царица Небесная, да куда же он запропал-то...

Вадим как можно бесшумней открыл дверь, тихонько разделся, пробрался в ванную. Ему очень хотелось принять душ. Он тщательно и долго тёрся мочалкой, мылил голову. Выйдя из ванной, прокрался к уже застеленному дивану. Покосился на тахту бабушки. Она спала. Ско-

рее всего, делала вид. Но он не в силах был сейчас объясняться с ней и поэтому молча укрылся с головой и почти сразу провалился в чёрную с сиреневыми разводами зыбь виноватого сна.

14

— Ты чего ж не позвонил-то вчера? — только и спросила бабушка наутро с какой-то даже извиняющейся улыбкой. — Я ведь, ты знаешь, на мобильники эти ваши сама не мастак звонить.

— Приятеля по институту встретил, в гостях у него засиделись. А когда вспомнил про тебя, поздно уже было. Разбудить боялся, — хмуро соврал Вадим.

От того, что бабушка не ругалась на него, раскаяние мучило его ещё сильнее. Вадим видел, что она мало встаёт с постели, лицо её побледнело и заострилось. Однако теперь он почему-то не мог подойти к ней, заговорить о враче или больнице. Почти всё время они молчали. Наконец, решившись, он подошёл к её тахте.

— Я сейчас уйду ненадолго. Надо в центр сходить, сдать билеты на поезд. Побуду ещё несколько дней с тобой. Возьму за свой счёт. Ничего страшного не случится.

— Что ты! — как будто даже испугалась она. — Ни к чему это. Работа для тебя сейчас самое важное. А я как-нибудь... Ты не думай, не одна я здесь. Продукты мне соцработник носит. Вот тебя не было, вчера мне яблочек да капусты принесла. Посмотри сам на кухне. А главное, из церкви знакомые женщины меня навещают. Сегодня батюшка собирался прийти. Ты у него обязательно благословение на дорогу возьми.

«Работа... — думал про себя Вадим. — Много ли важности в том, чтобы кропать статейки, о которых через пару недель никто не вспомнит, или впаривать редакциям написанные мёртвым языком пресс-релизы. Современный человек любит оправдываться занятостью, важными делами. А если вдуматься...»

Но в глубине души он испытал облегчение от того, что бабушка так решительно отговаривала его задержаться. С утра в нём росло какое-то непонятное ему самому глухое раздражение. Деньги его были на исходе, душевные

силы тоже. Он чувствовал, что больше помочь бабушке, чем помог ей в первые два дня в этот свой приезд, не сможет. И останься он тут ещё на день или неделю — станет обузой и для себя, и для неё.

15

Отец Владимир оказался молодым ещё человеком с ухоженной, слегка курчавой бородкой. Мало что выдавало в нём священника, когда Вадим встретил его на пороге бабушкиной квартиры. Обычная, средней цены дублёнка, немного мешковато сидящие на нём брюки. Правда, во взгляде сквозило что-то одновременно отрешённое и пронизательное. «Года на три меня помоложе будет», — про себя отметил Вадим. Он редко бывал в церкви, почти не общался со священниками, если не считать пары интервью, которые он взял у одного клирика, известного своей борьбой с цыганской наркомафией. Поэтому сейчас не знал даже, уместным ли будет рукопожатие. Но отец Владимир разрешил эти его сомнения, первым протянув ему руку.

— Из Москвы? Как там Первопрестольная, шумит? — подобные вопросы Вадиму часто задавали в провинции.

Священник вёл себя очень просто, часто улыбался какой-то проникновенно ясной улыбкой, расхваливал во время чаепития мёд, привезённый Вадимом из Москвы. Однако, когда он говорил с ним, спрашивая его о московской жизни, Вадим всегда чувствовал холодок дистанции. И совсем по-другому шёл разговор о приходских делах с бабушкой. Это были свои люди, объединённые чем-то не менее, а может, и более важным, чем родственная связь.

— Летом, к храмовому празднику, владыка к нам собирается приехать. Надо бы подновить купол да клумбы у церкви в порядок привести. Тут на тебя надежда, Серафима Никитична, у тебя с цветами лучше всех получается. Так что ты давай не подводи нас, выздоравливай.

— Спаси Бог, батюшка Владимир. Вот ещё недельку отлежусь дома, а к следующей воскресной службе и до храма доберусь. Пост Великий идёт. Надо, — кивала посветлевшая и как будто помолодевшая даже бабушка.

— А вы о чём в своей газете пишете? — обратился вдруг священник к Вадиму.

— В основном о политике.

— Да, сейчас кругом политика. Даже церковь в неё втянуть пытаются. Только нам, верующим, лучше подальше держаться от всего, что уводит от главного — от Бога.

— Если ты не занимаешься политикой, то политика может заняться тобой, — пожал плечами Вадим, — каждому своё. Кто-то пусть молится, но и в политической жизни кто-то должен представлять интересы тех же православных.

— Наш главный «представитель», а лучше сказать, Предстоятель во всех сферах жизни — сам Господь.

Вадим промолчал. Спорить со священником и волновать этим бабушку он не хотел. В конце концов ничего от этого спора не изменится. Каждый останется при своём.

После чая бабушка со священником занялись какими-то бумагами. Вернее, бабушка, почти не читая, подписывала протягиваемые ей документы. Она, оказывается, числилась казначеем православной общины.

— Ну, спаси Бог за чай, за угощение, — сказал, прощаясь, отец Владимир.

— Батюшка, благословите внука, в Москву уезжает ночным поездом, — попросила Серафима Никитична.

Вадим наклонился, сложил руки, как она учила его накануне. Он чувствовал себя неловко, как будто соглашался играть неестественную для себя роль. Однако, увидев, как тепло лучатся в этот момент глаза бабушки, подумал про себя: «Хуже не будет».

В 17 лет, перед его поступлением в институт, бабушка посоветовала ему покреститься. В мире, где отдалялась от него родная мать, где осмеивались и опошлялись те святыни, на которых растили его в детстве, где, словно карточный домик, рассыпалась самая незыблемая, «нерушимая», как учили его, родная страна, Вадим неосознанно искал хоть какой-то опоры. Поэтому он согласился сходить на литургию, так сказать, присмотреться.

Придя впервые в церковь, он натолкнулся на стоящий у входа гроб, в котором лежал покойник с пластырем на восковом лбу. Вот этот пластырь стоял у него перед глазами во время служ-

бы. И долго ещё потом ему казалось, что в церкви пахнет смертью. Но в печально-пронзительных распевах певчих, в озаряемых свечами строгих иконных ликах он одновременно почувствовал что-то неизбежное, возвышающее над земными страхами и мнительностью, от чего ему уже нельзя было просто так отмахнуться.

Вадим ещё сходил было на выступление проповедующих в местном кинотеатре сектантов. Но недолго выдержал там. Экзальтированные, почти истеричные распевы псалмов под гитару никак не связывались в его сознании с Богом. Его охватило какое-то беспокойство, подобное тому, какое испытывал он во время телесеансов безумно популярного в то время гипнотизёра. Скорей, уж тут можно было потерять свою душу, чем спасти, инстинктивно почувствовал Вадим. Поэтому, к великой радости бабушки, Вадим согласился креститься. Правда, за прошедшие с того времени многие годы в церкви бывал считанные разы, оправдывая себя тем, что отношения с Богом лучше выстраивать один на один.

Отец Владимир, перекрестивший Вадима, почему-то резко опустил руку. Хотя Вадим помнил, что ему полагалось её поцеловать.

— Ты лучше приляг, Серафима Никитична. Меня твой внук проводит. — Казалось, священник почувствовал, что Вадима гложет вопрос, который он хотел бы задать наедине.

— Отец Владимир... — Вадим немного запнулся на этом обращении. — Отец Владимир, — повторил он твёрже, — вот вы благословили меня в дорогу. А ведь мне приходится оставлять больную бабушку...

Они стояли уже на лестничной клетке возле грязноватого, но светлого от солнечных лучей окна.

— А разве у вас есть выбор? — Священник слегка сузил глаза, в которых снова мелькнул холодок.

Вадим, не найдя нужных в эту минуту слов, пожал плечами.

— Ничего, присмотрим за вашей бабушкой, не оставим без внимания. Если что, и на больницу её уговорим. Так что не беспокойтесь сильно. Вам о другом беспокоиться надо. Исповедовались, причащались давно?

— После крещения ни разу.

— Заметно. Причастие, молитва успокаивают

душу, очищают. А ведь если человек больше года не причащался, его считают отлучённым от церкви. И такому человеку на помощь Бога рассчитывать не приходится. Во всех своих неудачах, болезнях, душевной смуте остаётся винить только самого себя. Задумайтесь об этом. Ну а то, что о бабушке не забываете, навещаете... — тут во взгляде отца Владимира засветилось бывшее благодушие. — Это хорошо. Ещё бы свечки за её здоровье ставили в своей Москве, и совсем отлично было бы. Обещаете?..

16

Под вечер на городок надвинулись мягкие, уютные тучи. Медлительными невесомыми хлопьями опускался на землю снег. На горизонте, ещё не закрытом белёсой облачной пеленой, плавился бледно-золотой слиток солнца. Вадим с Серафимой Никитичной шли по дорожке городского парка. На них самих, на деревья и пустые скамейки бесшумно оседали снежинки, как будто отгнятия тишину всё ещё зимнего парка. Вадим глядел по сторонам, хотя вокруг никого не было, он словно пытался впитать в себя этот окружающий его покой и безмятежность, чтобы его подольше хватило в суетной ревущей Москве, с её сыро-слякотно-сырым даже в мороз асфальтом. Вадик придерживал бабушку под локоть, а другой рукой она опиралась на палку. Серафима Никитична смотрела больше под ноги, на дорожку, где под свежим снежным пухом могла скрываться наледь. Вадим в опасных местах тоже опускал взгляд к земле, шёл как можно осторожнее.

После ухода священника Вадим собрал свои вещи, помог приготовить Серафиме Никитичне прощальный ужин. Взяв с неё обещание, что до его прихода она будет отлёживаться и пить таблетки, он хотел уже пройтись напоследок в одиночестве по родному городу, как она вдруг твёрдо решила идти с ним.

— Давно уже на свежем воздухе не была, надо двигаться. Одной страшновато, а с тобой — ничего...

И вот они шли, медленно, то и дело останавливаясь, с трудом преодолевая короткие спуски в три обледененных ступеньки.

Вадим вспомнил, как двенадцатилетним под-

ростком водил он бабушку в горы к ручью, где ловилась форель. Да, именно водил. Он узнал о ручье от соседа, пожилого заядлого рыбака, который приблизительно объяснил дорогу. Вадим сначала сам пошёл туда, сбивался с пути, терял тропинку. И всё же он дошёл до ручья и даже поймал несколько пятнистых, как горные камни, некрупных форелей. Авторитет его после этого самовольного похода в глазах ближайшего друга Егора сильно вырос. В следующий раз они шли на рыбалку к ручью, преодолевая огромное, как им тогда казалось, расстояние в восемь километров, уже вместе. А вот на третий раз, уже твёрдо усвоив путь, Вадим позвал с собой бабушку, которая как раз собиралась за город за поспевшей в тундре черникой. Впервые тогда он чувствовал себя мужчиной, ответственным за женщину, доверившуюся ему. Бабушка, которой было в то время немного за пятьдесят, выглядела лет на десять моложе. Она тщательно следила за собой и даже за город шла аккуратно причёсанная, вся какая-то прибранная и собранная. Они вполне могли сойти тогда за мать и сына. Так им иногда говорили во время случайных встреч на улице шапочные знакомые. Серафима Никитична бойко вышагивала за внуком по каменистой изворотливой тропке и, кажется, не знала устали. Он поймал в тот раз с десяток форелей и красиво разложил их перед ней на мху. А она собрала два бидона сочной крупной черники. Обратно шли довольные походом и друг другом. Серафима Никитична с виду была всё так же бодра, так же легко, без одышки забиралась на крутые склоны сопки, как будто и не было за плечами почти двух десятков нахоженных за день километров.

Вадим посмотрел на бабушку, пытаясь разглядеть в её осунувшемся морщинистом лице приметы той молодавой, ещё полной сил женщины, что шагала с ним по горным тропинкам. А она, поймав его взгляд, вдруг подумала о том, что в душе ей не верится, что внуку уже за тридцать. В долгих разлуках Вадим по-прежнему рисовался ей семнадцатилетним юнцом, совсем ещё мальчиком, которого они с Таней провожали на учёбу в Романовск. И сейчас она улавливала в блеске глаз, в румянце щёк того взволнованного юношу на автобусной станции, делающего первый шаг во взрослую жизнь.

Может быть, как никогда в эти три дня, они были близки — в разговоре и молчании. И каждый по-своему думал о том, что давно уже ему не было так хорошо с другим человеком и вряд ли доведётся им ещё раз вот так идти вместе.

— Приезжай хотя бы недельки на две летом. На рыбалку сходишь, — Серафима Никитична помолчала и, не дождавшись ответа, добавила. — Грустно без тебя будет, скучно.

Вадим посмотрел на небо, туда, где тучи почти уже стёрли серо-жёлтое пятно оседающего в горы солнца. Он уже знал, что угасающий в эти минуты день навсегда останется с ним.

17

После ужина, чтобы скоротать оставшиеся часы до отъезда, Вадим открыл бабушкин шкаф. Внизу, в дальнем углу, лежала стопка пластинок, которые он собирал в детстве и юности.

— Может, возьмёшь с собой? — спросила Серафима Никитична. — Вон и проигрыватель ещё исправный.

Вадим грустно усмехнулся про себя. Он вглядывался в потёртые конверты, где хранились когда-то бесценные для него виниловые кругляши. Вообще-то, когда он покупал их, в полном ходу были аудиокассеты, но почему-то среди них, зимогорских подростков конца восьмидесятых, высшим шиком считалось иметь именно пластинку с последними записями любимой группы. Вспомнилось, как бежали вдвоём с Егором по весенним улицам, не разбирая луж и грязи, в дальний киоск, где чудом оказались пластинки с прощальным альбомом группы «Кино».

«Нам Цоя!» — выпалил Егор недоуменно уставившейся на него пожилой продавщице.

Да, где он теперь, Егор?.. И помнит ли тот весенний день?.. А диск — вот он. Когда-то Вадим верил в магическое воздействие, которое способны оказать любимые песни на его судьбу. Уезжая учиться в Романовск, он не раз включал любимую песню с этого альбома. Вот и сейчас старый проигрыватель наполнил бабушкину комнату тревожно-грустным, пробивающимся сквозь глухое шипение мотивом:

*После красно-жёлтых дней
Начнётся и кончится зима.
Горе ты моё от ума,
Не печалься, гляди веселей.*

*И я вернусь домой
Со щитом или на щите,
В серебре или в нищете,
Но как можно скорей...*

18

Снег продолжал идти и ночью. Только здесь, на пустынном перроне, белые хлопья казались синеватыми от света вокзальных фонарей. Вадим, приехавший чуть ли не за час до поезда, не выдержал сдавленной тишины зала ожидания и вышел на воздух. «Что дальше? Что же дальше?» — без конца задавал он себе вопрос, шагая по перрону. Оборачивался и смотрел, как на его чётко отпечатавшиеся на свежем снегу следы падают новые снежинки.

Подошёл к незамысловатой скульптуре. Мать-лосиха внимательно всматривалась в завокзальную даль, к ней жался тонконогий лосёнок. Говорят, такую картину полвека назад увидели первые строители на месте будущего Зимогорска. Этот памятник был первое, что Вадим видел, когда в детстве возвращался с летнего отдыха в свой город. Взглянув на него, он верил тогда, что в этом мире есть что-то родное и надёжное, что всегда будет с ним. Вот это приземистое здание вокзала, утопающее в рябиннике, маленькая площадь с потрескавшимся асфальтом, автобус-увалень, который ждёт их у остановки, чтобы повезти к единственно возможному месту на земле, где был его дом... Там, как старые друзья, ждали его игрушки и книги, там в добрые минуты улыбались ему мама и бабушка. Там и только там иногда казалось, что далёкий отец его совсем рядом и только по какому-то недоразумению всё никак не позвонит, не войдёт, широко улыбаясь, в дверь их маленькой квартиры.

Уезжая учиться в Романовск, Вадим взял с собой набор открыток родного города. Оставшись один, он часто вглядывался в фотографию, где на фоне ало полыхающих осенних рябин без-

молвно замерли лосиха с лосёнком. Скульптура эта была для него уже чем-то большим, чем примета родного города. Она была словно маяк какой-то лучшей, теряемой им жизни.

Те потёртые открытки пропали в Москве во время очередного переезда с одной съёмной квартиры на другую. Но фотографии привокзального памятника, как и других мест Зимогорска, теперь без особого труда можно было найти в Интернете. Их было много, от удачных, мастерски снятых, до откровенно беспомощных, безликих. Он собирал лучшие в отдельную папку, запрятанную в дебрях его компьютера, и время от времени пересматривал их. В столице щемящее чувство потерянного зимогорского рая то слабело, то с новой силой волновало его. Порой ему казалось, что рай этот, созданный из осколков его воспоминаний, никогда не существовал. А иногда верил, что он не только реален, но и потерян не навсегда, и в него ещё можно вернуться.

Невольная эта раздвоенность, как смутно понимал он, помогала выжить его душе в огромно равнодушном к нему городе, но, с другой стороны, лишала чего-то важного, без чего его столичная карьера давала серьёзные сбои.

Так можно ли вернуть целостность миру его души? И стоит ли это делать?

Вадим остановился перед скамейкой, на которой спал, скрючившись, какой-то человек. Бомж не бомж, может, просто загулявший работяга.

Давно не бритый подбородок уткнулся в грудь. Из-под капюшона торчат спутанные волосы, на которые, не тая, ложатся снежинки. В ногах — полузасыпанная снегом бутылка дешёвого пива. «Замёрзнешь, вставай», — Вадим толкнул парня. Тот что-то невнятно пробурчал в ответ.

«Надо расстаться с Викой, — вдруг отчётливо пронеслось в голове Вадима. — Нельзя жить с человеком, которым не дорожишь настолько, что, не задумываясь, изменяешь ему».

Да, ещё его разговор со священником... Тогда, на лестничной площадке, он как-то непроизвольно, не успев толком решить, надо ли ему это, согласился заходить в храм, ставить свечки о здравии бабушки и даже дал слово, что попытается причаститься. Но сейчас он вдруг понял, что этого обещания нельзя не сдерживать, и почувствовал себя в начале какого-то большого пути.

Вадим подошёл к краю перрона и посмотрел в ту сторону, откуда должен был прийти поезд. Ему как-то не верилось, что оттуда, из мягко сияющей сиреневой мглы, налетит, лязгая, дымясь снежной пылью, неукротимый состав, подхватит его и умчит в такую невозможную в этой тишине Москву.

□

Алексей ПОЛУБОТА

родился в 1975 году в Мурманске.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор поэтического сборника «Время года — любовь» (2010).

Стихи, рассказы, очерки, сказки печатались в журналах

«Север», «Наш современник», «Литературная учёба»,

«Волга — 21 век», «Московский вестник» и других изданиях.

Лауреат поэтической премии губернатора Мурманской области имени Баёва-Подстаницкого (2001),

дипломант 5-го Московского международного конкурса

поэзии «Золотое перо» (2008),

лауреат газеты «Литературная Россия» (2012).

В настоящее время — обозреватель интернет-издания «Свободная пресса».

Член Союза писателей России.

Живёт в подмосковном Реутове.

